

САШЕТТА КОТЛЯР

ТЕНЬ ТВОИХ
РЕСНИЦ

Сашетта Котляр

Тень твоих ресниц

<https://litres.ru/74207598>

Аннотация

Жизнь студентки Кати Скворцовой отравляет одно: Вадим Туманов, её однокурсник, делает всё, чтобы выжить девушку из университета. После его внезапной гибели Катя выдыхает с облегчением, но совсем ненадолго. Сначала ей приходится вернуться к больной бабушке в деревню, а потом девушка обнаруживает, что и сама смертельно больна. Денег на лечение нет, город слишком далеко...Единственным лучом надежды оказывается внезапно воскресший Вадим. Он обещает, что поможет ей во всем. Но какую цену сам парень заплатил за свое воскрешение? И что выберет Катя: жизнь с возлюбленным-спасителем, вокруг которого таинственно умирают другие, или собственную мучительную смерть?Однотомник. 18+ не за эротику.

Содержание

Глава 1. Сейчас. Что ты такое?	4
Глава 2. Тогда. Встреча	24
Глава 3. Сейчас. «Вкусссссенький»	39
Глава 4. Тогда. Как мне искупить свою вину?	58
Глава 5. Сейчас. Перерождение. Часть 1	74
Глава 6. Сейчас. Перерождение. Часть 2	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Глава 1. Сейчас. Что ты такое?

Катя сидела на полу скромного бабушкиного домика и бездумно перебирала пряди волос. Своих волос. Из просто русых ставших какими-то золотистыми, лучше, чем до болезни. Значит, так выглядит расплата чужой кровью? Не просто получи то, что попросила, но лучше, чем было. Ярче, красивее, интереснее. Пока та, другая — мучительно истекла кровью на алтаре.

Почему-то ей было намного легче это принять, когда она думала, что не знакома с жертвой. Почему-то убить кого-то постороннего, да еще и не своими руками, чтобы избавиться от немочи и боли — не было для неё так страшно. Но разве это правильно? Разве так её учила бабушка?

Катя помнила, как Вадим шептал ей. Что бабушка и умерла практически всеми покинутая, и кроме внучки-студентки некому было о ней позаботиться. Так стоило ли учиться у той, кто даже свою жизнь не смог устроить хоть сколько-нибудь хорошо? Разве это похоже на последствия правильной, праведной жизни? Скорее уж на наказание.

А теперь она сидела на полу, и понимала, что, если разобраться — это она убийца. Это с её согласия было совершенно преступление. Которое, конечно, никто и никогда не докажет — кто в России вообще верит в мистику? Но грех на душе от этого никуда не делся. Да и есть ли она, та душа?

Катя уронила голову на руки и в голос заревела. Можно было сказать, что у неё не было выбора. Можно было сказать самой себе, что это не она, что она не могла отвечать за себя — сознание мутилось от боли. Тогда она бы и душу дьяволу отдала, лишь бы это прекратилось. Она ведь просила — убей. Но это его не устраивало. Вадим не хотел, чтобы она умирала.

Если зажмуриться, казалось, что весь бабушкин домик, который она знала до последней деревянной доски или клочка ткани — пропитан кровью. Ею даже пахло в воздухе. Как во дворе, пока был жив дед, когда он забивал корову или свинью. Густой, мясной запах, который будил внутреннего хищника. С металлической ноткой, терпкий. Катю вырвало прямо на ковёр, и она отползла по полу на чистые от ткани доски.

Повеяло холодом. Она обернулась. За спиной стоял Он. Уже не такой, каким она его увидела при первой встрече, но такой, каким он был теперь на самом деле. Волосы приобрели оттенок вранова крыла, черты лица заострились, очки больше не были нужны. А сам — весь какой-то угловатый. Он даже перемещался странно, порой изгибая голову как сова, порой поворачиваясь так, как человек повернуться не мог — всем туловищем. От него веяло смертью. И одним этим обликом он как будто стремился заранее ответить на невысказанный вопрос.

Но Катя всё же спросила, вытирая слёзы тыльной сторо-

ной ладони:

— Это ты убил Ларису? — из горла вырвался хрип, и она закашлялась.

Вадим быстро пожал плечами, и чуть улыбнулся.

— Мне нужна была здоровая молодая женщина примерно твоего возраста. Она подходила.

Катю снова затошнило. Она закашлялась. Это не болезнь возвращалась, это самое её существо переворачивалось наизнанку. Вадим подошел к ней, придержал волосы, и достал из черной сумки-саквояжа, что была при нём, большой платок.

— Ну-ну, не стоит так нервно реагировать. Она бы тебя жалеть не стала, поверь мне, — ласково сказал он, вытирая всё, что испачкалось. Без малейшей брезгливости, он отнёс испачканный платок в мусорное ведро, ополоснул руки в кухонной раковине, и вновь вернулся в большую комнату на первом этаже.

Катя села на пол и обхватила себя руками, пытаясь избавиться от вездесущего холода. Вадим взял с любимого её бабушкой кресла тёплый красный плед, и укрыл ей плечи. Она глухо пробормотала:

— Ты убил свою бывшую девушку, и так просто говоришь мне об этом?!

Вадим посмотрел на нее. Губы улыбались, а глаза оставались холодными, словно сталь. Прямо под их цвет. Последнее время он часто так улыбался. Ей — реже, но и ей тоже.

Как она вообще могла пойти на это? А Вадим сел на кухонный стул, глубоко вздохнул, словно говоря, что она дурочка и не понимает, как правильно себя вести. И предельно спокойным, ровным тоном ответил:

— Ты — мой якорь, Катя. Я не могу тебе лгать, даже если очень захочу. Так что, если ты не хочешь знать ответы на какие-то вопросы — просто не задавай их. Это будет самым разумным для тебя решением.

Катя еще сильнее обхватила плечи руками, наверняка оставляя синяки, с такой силой она цеплялась сама за себя. Она медленно закачалась туда-сюда, как в детстве, когда мама пропала без вести, и они остались с бабушкой вдвоём. Запах крови стал сильнее, и через некоторое время Катя осознала, что вцепилась в собственную кожу ногтями.

Вадим покачал головой и укоризненно произнёс:

— Так дело не пойдёт. Ты себя покалечишь. Ну же, милая, просто подумай немного. Лариса с удовольствием перемывала тебе косточки, завидовала, что тебе легко даётся учеба. Она бы ни слезинки не пролила, если бы с тобой что-то случилось. Поверь мне, я теперь читаю в сердцах людей, как никогда не мог при жизни. Смерть освободила меня. Открыла глаза.

Катя не слушала. Она продолжала качаться туда-сюда. Ей хотелось закрыть уши и больше не слышать его голоса. Но тоненький голосок в глубине сердца тихо шептал:

«Пока она была незнакомым человеком, было проще?

Жизнь незнакомки не считается, на ней можно спокойно строить своё счастье, правда?»

Бабушка наверняка сказала бы, что это совесть. Но бабушки больше не было. И Ларисы, которая мечтала завести троих детей и купить домик у моря — тоже не было. Да, она и правда с удовольствием говорила гадости про Катю, да и не только про неё. Сдавала тех, кто использовал «шпоры», если эти люди ей не нравились. Пару раз откровенно кидала приятельниц на деньги, а потом их же и обвиняла во лжи. Вредила и пакостила. Устроила... а, впрочем, что об этом вспоминать.

Лариса не была святой, отнюдь. Только очень красивой и с препоганейшим характером. Но разве это было поводом её убивать? К тому же... Катя вытерла слёзы, и резко остановилась, чуть не упав лицом в пол. Вадим всё это время терпеливо ждал её ответа, и она, наконец, смогла его сформулировать:

— Ты ведь спал с ней. Целовал её губы, гладил волосы, обнимал при встрече. А потом хладнокровно уничтожил, — заметила она тихо. — Она наверняка и пошла за тобой только потому, что в глубине души надеялась, что ты жив. Лариса плакала, когда ты погиб, Вадим!

И тут он в голос расхохотался. На удивление искренне, почти как при жизни. Или как тогда — когда она еще только-только начала выздоравливать. Он смеялся, запрокинув голову к потолку, и Катя невольно запрокинула голову то-

же, рассматривая мелкие трещины на белоснежном полотне. Отсмеявшись, Вадим сказал:

— Я подъехал к ней на новенькой «BMW», и выглядел как жирный старпер хорошо за сорок. А эта шлюха с удовольствием прыгнула в тачку. Я усыпил её и заставил очнуться, только с началом ритуала. Ты — наивное, светлое дитя, и всех судишь по себе. Если Лариска и рыдала когда-то, то разве что от шока. Людям это свойственно: пугаться, когда на волосок от них проходит Смерть. Хватит, Катя. Я ничего от тебя не скрывал. Ты знала, что кто-то умрёт. Она или любая другая — так ли много разницы?

Потом он посмотрел на заплаканное Катино лицо, подошел ближе, и, снова став Вадимом-при-жизни, нежно обнял. И прошептал на ухо:

— Мой договор больше никак тебя не затронет. Если тебя это так расстраивает, я не трону больше наших общих знакомых. Пойдём. Я взял для нас домик получше, хватит возвращаться в бабушкину развалюху. Эти стены лишь берегут душевные раны. Ты почти всегда здесь плачешь.

Катя покачала головой, и её тёплые слёзы впитались в невесть откуда взявшуюся фланелевую рубашку. Она практически привыкла, что здесь, вблизи болот Вадим был едва ли не всемогущим. И все же тихо спросила:

— Что ты такое, Вадим? Что ты такое?

Он снова безмятежно улыбнулся, и нежно погладил её по щеке:

— Я — тот, кого тебе никогда не придётся оплакивать. Тот, кто не оставит тебя. Тот, кто не даст провалиться в бездну отчаяния и боли. Не бойся меня, Катюша. Я не сделаю тебе ничего плохого никогда, слышишь? Пойдём отсюда. Ты вспоминаешь покойную и тебе становится плохо. Разве я не прав? Помни, я не способен тебе солгать.

— Ты врал мне в начале, — вяло отмахнулась Катя. — Чем ты это объяснишь?

Сил не осталось. Ей вообще было сложно спорить с этим человеком. Да и с человеком ли? Можно ли так назвать вернувшегося с того света мертвеца? Дома у бабушки силы таяли не так стремительно, словно здесь и стены помогали, но все равно. Только что она металась, терзаемая ужасом, плакала и требовала, а вот уже просто сидит и по щекам сами собой катятся слёзы. Какая бы она ни была, Лариса этого не заслужила. За такое не убивают. А значит и сама Катя жизни своей не заслужила. Она давно должна была быть мертва, как и сам Вадим.

Тот же продолжил гладить её, теперь уже по плечам, по волосам. Словно ласкал любовницу, хотя, конечно, в бабушкином доме между ними ничего быть не могло. Оставались у Кати хоть какие-то принципы, самые последние ограничения, диктуемые её пониманием добра и зла. Она в них нынче не то, чтобы вписывалась, но хоть на сколько-то...

— Тогда мы еще не были связаны. Поэтому тогда — мог, а теперь не могу, — спокойно пояснил он. — Пойдём со мной.

Если хочешь, я расскажу тебе обо всем в машине.

Катя вяло кивнула. Вадим помог ей встать и отряхнул её джинсы от пыли. Еще раз обтёр ей губы платком, и, когда она покачнулась, посмотрел на нее встревоженно, а потом и вовсе взял на руки. Катя бросила взгляд на дом, в котором выросла, перед тем как он вынес её за порог. Иконы, всегда висевшие у бабушкиного обеденного стола, висели изображением к стене. Ей снова стало холодно, и оттого, что Вадим прижимал её к себе, было только холоднее. Словно он сам по себе забирал у неё жизнь.

А как только Вадим вынес её не только из дома, но и со двора, ей вдруг вновь стало тепло. Только голова стала как будто ватной. Мысли ворочались тяжело, но тело... Катя чувствовала себя здоровой, как ни странно. И горло перестало першить. Только слёзы продолжали течь, но она как будто и не могла сформулировать, почему так. Отчего она плачет? Лариса бы её не пожалела, это правда. И вряд ли стала бы плакать по ней. Только сердце ныло, словно пытаюсь достучаться до своей хозяйки.

Вадим поставил её рядом с собой, поправил волосы и погладил по щеке. Он взял её за руку и повел к своему черному мерседесу, припаркованному ближе к центру. Катя вяло подумала: машина для их краев совсем нетипичная, а никто не пялится, и вопросов не задает. Она моргнула, и ей показалось, что это и не машина вовсе — а странное существо, лишь похожее на автомобиль очертаниями. Сплетенное из

корней и веток, оно смотрело глазами-фарами, и взгляд этот показался Кате плотоядным. Словно оно хотело крови? Но потом она снова посмотрела на машину, и наваждение исчезло.

Почему-то дома у бабушки или рядом становилось совсем плохо. Как будто болезнь возвращалась. Тьма, холод, и болотный смрад начинали укутывать Катю здесь, и она чувствовала себя так, словно от души потихоньку отщипывают маленькие кусочки, как она отщипывала от хлеба, чтобы бросить его уткам у озера. Только Катя не понимала, кто здесь «утка». Ведь не покойная же бабушка? Она всегда желала ей только добра. И даже если бы могла как-то дать знать о себе на этом свете, постаралась бы помочь.

Мутная вата в сознании стала почти осязаемой. Катя чувствовала себя уродливой куклой, которую набили этой самой ватой, и выставили перед гостями, похвастаться, как хорошо получилось. А Вадим, тем временем, осторожно усадил её на переднее сиденье автомобиля, пристегнул ремень и погрозил машине пальцем. Катя вновь увидела всё не так, как оно было на самом деле. Словно это не авто с мягким салоном, а разверстая пасть странного древесного существа, и два его языка-лианы складываются в подобия кресел, оплетая Катю лианами со всех сторон. Захотелось вырваться, и она дернулась, но поймала на себе обеспокоенный взгляд любимого. Катя потерла глаза и все вернулось на круги своя. Всего лишь машина. И пахло в салоне кожей, а вовсе не болотной тиной

и гниющей плотью, как ей показалось.

Вадим тихо заметил:

— Вот видишь, Катя. Тебе плохо здесь. Не стоит ворошить мертвых, если они решили уйти и не возвращаться, это никому не приносило пользы. Я отвезу тебя домой. В твой настоящий дом.

Кате снова повеяло холодом, когда она бросила взгляд на стремительно удаляющийся бабушкин дом. И вдруг подумала: а почему он перевернул иконы? Зачем? Но сказала не это:

— Ты мертв, а я — почти мертва. Не нам говорить о том, стоит ли ворошить мертвых, — она чуть улыбнулась и повернулась к нему. Ватная муть снова сделала краски мира тусклее, и она продолжила говорить совсем не о том, о чем собиралась:

— Ты обещал рассказать.

То, с чего она начала, он просто проигнорировал.

— Я помню, — любимый ласково улыбнулся и слегка погладил по волосам, на мгновение отвлекаясь от дороги. — Всё дело в том, что пока ты не согласилась на сделку, мы не были связаны. Чтобы это начало работать правильно, я должен был что-то для тебя сделать. Что-то по-настоящему ценное. Такое, ради чего ты согласилась бы пойти мне навстречу. Мы... — он замялся и посмотрел на свои руки. — Стоит начать сначала, пожалуй. Я ведь не рассказывал тебе, как вернулся?

Катя молча покачала головой. Не рассказывал. Да она и

не спрашивала, если уж на то пошло. Хотя бы себе она могла признаться: просто не хотела знать, кого он ради этого убил. От этой мысли снова повеяло холодом. Вадим внимательно посмотрел на неё, остановил машину, вышел, и с другой стороны поправил плед, в котором она так и была укутана. А потом отодвинул волосы и расстегнул цепочку у нее на шее. Крестик. Тело пронзила боль, такая сильная, какой не было даже во время болезни. Он погладил её по волосам и прошептал:

— Потерпи немного. Это тебе не нужно. Где был твой бог, когда ты умирала от рака?

Еще некоторое время он продолжал гладить её волосы, шею, плечи, так и стоя рядом с машиной посреди дороги. А потом боль вдруг исчезла. И как будто лопнула какая-то струна внутри самой Кати. Туман развеялся и она, наконец, улыбнулась. Когда ей последнее время вообще было так легко? Кажется, что никогда. Легкость вообще была не про нее. Жить нужно по совести, а кому она в жизни помогала, эта совесть?

Любимый снова сел на своё место, и Катя перевела взгляд на него. Он обещал что-то интересное о себе рассказать. Значит, он теперь ей больше доверяет, правда? Что-то для него изменилось в ней. Катя больше не куталась в плед. Зачем, лето на дворе, и так довольно тепло. Вадим ласково ей улыбнулся, поправил очки и сказал:

— Да, начнем сначала. Я не болел, как ты, это вышло слу-

чайно и на самом деле нелепо...

Вадим попал в аварию. Он решил поездить по старым дорогам, погулять по заброшенным деревням и посмотреть, что там и как. Хотелось отдохнуть от одноклассников и приятелей, которые как раз не хотели никуда «в такую холодрыгу». Точнее, хотели, но в бар или на дискотеку, посмотреть на хорошеньких девок, потанцевать, выпить пива. А ему в этот раз ничего такого не хотелось. Напротив. Его как магнитом тянуло в глушь под Петербургом, и чем заброшеннее, тем лучше. Отец на эту идею хохотнул, пожал плечами и бросил:

— Что, неужто гены прабабки проснулись и потянуло в родные болота?

— Гены прабабки? — не понял он. — Па, ты что, опять в гараже бахнул стопарик, пока мама не видит?

— Да я стекл как трезвышко! — фыркнул отец. — И трезв как стеклышко. И вообще чист, словно слеза младенца, хоть прямо сейчас на гаишника дыши во всю грудь. Слухи про бабку твоей матушки ходили во времена нашей молодости, что она — внучка ведьмы болотной, и сама на болота уйдет, честной люд в жиге топить. Глупости это всё, конечно, суеверия, но вроде как её какую-то совсем древнюю родственницу даже сожгли, подозревая в том же самом. Это при том, что на Руси ведьм жечь не принято было, наоборот, скорее, дураков самосжигающихся из огня тащили. Но вот Феклу

удостоили честью. Или Ефросинью? Или Прасковью? Черт его знает, как её звали, у мамы спроси, её родственница. Но жила она как раз в той глухомани, куда тебя потянуло. Вот и говорю, гены прабабки разыгрались, не иначе.

— Звучит как какой-то сказочный бред, — поморщился Вадим. — Не, пап, я просто один хотел побыть. А мать мне все мозги сожрёт, если я не скажу, куда поехал. Вот, тебе говорю.

— Чтоб не отговаривала? — понимающе усмехнулся отец.

— Шаришь, — вздохнул сын. — Ну, я поехал?

— Давай. Но допоздна не шатайся, там места дикие, застрять можно. И если вдруг чего — звони, подъеду.

Вадим кивнул и с отцовского «благословения» сел в машину. Пока вокруг были обжитые места, он ловил себя на мысли, что люди его раздражают. Всё как-то мелко, шумно, суетливо. И никакого счастья — одна мишура. Вот что толку от того, что ты выпьешь пива вечером в баре? Похмелье, потраченные деньги и никакой пользы от собственной жизни. Ни себе, ни кому-либо ещё.

Он и сам не знал, почему в голове крутятся такие мысли. Обычно Вадима вполне устраивал простой и веселый отдых с друзьями. Некстати подумалось, что и Катя наверняка согласилась бы — нет в пьяных обжиманиях никакого веселья, так, способ убить время с особой жесткостью. Но вместо Кати была Лара, а её всё устраивало. Лариса его сегодня тоже

раздражала. Даже звонить ей не стал: если узнает, куда он поехал, будет как мать. Выжрет весь мозг за то, что он дурью какой-то мается, а мог бы сходить с ней потанцевать и не только.

На самом деле, Лариса ему и как любовница уже надоела. Слишком капризная, жадная до внимания и избалованная. На секунду он представил, что было бы, если бы на её месте была Скворцова. Надоело бы ему также быстро? Но если он начнет встречаться с такой мышью, его засмеют все друзья. Перестанут звать с собой, будут глумиться. Разве оно того стоит? Вадим пытался себе это представить и понимал, что нет, оно того не стоит. Скворцова — просто симпатичная девчонка в бабушкином тряпье, и ничего больше. Она вряд ли так уж сильно отличается от Ларки, просто он сам себе её запретил, вот и тянет.

Так Вадим думал, пока просто ехал в сторону деревень, периодически останавливаясь просто погулять. Первым делом он поехал в деревню Луги. Ехать прилично, аж два часа от культурной столицы, но его упорно тянуло в необитаемую глухомань, и он не стал сопротивляться этому странному желанию. Там он бродил не меньше часа, вслух рассуждая о том, что хоть эта поездка и не имела никакого смысла, а всё же что-то ему принесла. Какую-то гармонию с собой.

В наушниках звучала музыка, Вадим был уверен, что ему ничего и никто не помешает — других желающих погулять по заброшенным местам не было в это время, так что можно

было побыть в на удивление живой тишине, и вдохнуть полной грудью свежий воздух. Пройтись по изрядно заросшим старым тропкам, попробовать представить, кто жил в ныне необитаемых домах. И всё, казалось, было хорошо.

А потом Вадим решил вернуться. И начисто заблудился, оказавшись в незнакомой болотистой местности, где и дорожки-то толком не было, да и троп, хоть бы и заросших, тоже. Связь не работала, так что позвонить отцу Вадим не мог. Небо потемнело, хотя вряд ли на дворе было хотя бы три часа дня — он уехал рано. И хотя должен был идти снег, да и вокруг должно было быть снежно и скользко, в этом месте время как будто смеялось само над собой.

Моросил противный мелкий дождик, пахло болотной гнилью и слякотью, а колёса авто то и дело норовили застрять в мокрой, а не промерзлой как возле Лугов, земли. Вадим ожидал, что будет утопать в снегу, а не в мутной жиже. Телефон не только не ловил связь, но и разрядился довольно быстро, и Вадим остался совсем один, в глуши и без связи. Но не запаниковал, а попробовал прикинуть, откуда он приехал, чтобы выбраться хотя бы на просёлочную дорогу.

Иногда машина норовила застрять в болотной жиже, иногда его подмывало начать орать матом и звать на помощь, но всё вроде шло неплохо. Загадочные болота, которых и на карте-то не было, потихоньку заканчивались, небо светлело, он так ни разу и не застрял по-крупному, так что пешком идти не пришлось. Но когда он, наконец, выбрался на про-

селочную дорогу и вышел из машины, чтобы покурить перед новым, более понятным этапом поездки домой, сзади внезапно выскочило чужое авто, красное и удивительно не уместное здесь.

Вадим стоял вроде бы на самой обочине, но от резкого и совершенно внезапного сильнейшего толчка в спину просто-напросто вылетел на середину дороги, разбив лицо о землю. Он не погиб сразу, но сразу понял, что это конец. Этот удар сломал ему несколько ребер, и какое-то из них проткнуло легкие, так что он кашлял кровью и выл от боли, практически не соображая. Самая осмысленная его мысль звучала очень просто: «Это ж надо было так нелепо сдохнуть...»

Но жить Вадим хотел. И видимо именно это желание почувствовала местная болотная нечисть, потому что, когда сознание уже почти угасло, он вдруг почувствовал себя практически здоровым, как до аварии. Обрел невиданную ясность ума, и невиданное же спокойствие. И услышал:

— Ты хочешь выжить? Я могу тебе помочь, но ты должен дать мне кое-что взамен...

Голос был странным, совсем нечеловеческим. Вроде бы женским, но звучал он как будто из-под воды, глухо и в то же время громко. Откуда-то издали, и одновременно как будто из глотки самого Вадима, хотя он, конечно, после таких травм попросту не мог разговаривать, даже если бы очень этого захотел. Он не понимал, что у него есть такого, чтобы

его согласились воскресить. Вряд ли эта штука принимает оплату в баксах или евро, верно?

Голос в его голове скрипуче расхохотался, напоминая скрип несмазанных петель у старых полностью металлических детских качелей. Несмотря на то, что Вадим был окружен целым океаном боли, «волны» как будто отступили, и сейчас он вполне соображал. Звук смеха странной галлюцинации резал по ушам и вызывал боль, похожую на зубную, отдельное течение в этом океане.

— Цветная бумага, которую людишки напители ценностью — такой же прах, как и ты, мальчик. Нет, платой за жизнь может быть только другая жизнь. Платой за силу, что вернет тебя — только служение. Ты готов заслужить право выжить? — ему почудились хищные нотки в голосе. Тварь чуяла кровь, его кровь...

— А что будет, если я откажусь? — спросил он, и океан боли омыл его сознание с новой силой, напоминая о том, что он по сути при смерти.

Существо снова скрипуче рассмеялось:

— Ну, во-первых, ты сдохнешь. Но не сразу. Не так, как сдох бы где-то в другом месте, за пределами моих владений. Мы голодны, знаешь? Никто не верит в нас, никто не боится, никто не отдает свои души и знания... но за неимением лучшего сочное молоденькое мяско вполне подойдет! Я гарантирую, милый, сочный юноша, ты будешь умирать так долго, как не жил на этом свете... сначала я выпью твои гла-

за! Хлюп — и нету, вкуссссное... Во-вторых, ты запомнишь каждое мгновение и унесешь это знание с собой за грань, куда бы тебя дальше ни занесло. Говорят, в аду просто повторяют за мной, если приходят от меня такие, как ты, — оно резко захихикало, напоминая одновременно гиену из мультфильма Диснея, пожарную сирену и каркающую ворону. От этой какофонии у него, казалось, буквально пошла кровь из ушей. По крайней мере, Вадим чувствовал влагу.

— В былые-то времена ко мне без оберегов да символов веры не хаживали, а теперь вы всссё забыли, и если кто и носит кресты или звезды — то разве что ради украшения. И твердых убеждений у вас не бывает, мои хорошие... чаще бы навещали бабушку, она не была бы так голодна! Ну так что, готов ты меня покормить, а, мальчик? Ах, впрочем, что я спрашиваю — ты меня и так покормишь, плотью ли, служением ли... готов ли ты кормить меня сытно, или предпочтешь сдохнуть, а? Родная кровь всяко вкуснее чужой, только мало-мало крови... Нужно больше!

Вадим не видел перед собой ни существа, ни машины. Он мог только чувствовать боль и слышать мерзкий голос. Но когда оно договорило, по нему как будто что-то поползло, забиваясь прямо в глазницы, копошась сотнями крохотных лапок. Он чувствовал, что еще немного и его и правда начнут жрать эти крохотные твари, которые были чем угодно, но только не нормальными, обыденными насекомыми. И даже для предсмертных глюков этот кошмар был пугающе ре-

альным, практически осязаемым. Да и не было у него никогда такой яркой и такой извращенной фантазии! Вадим хотел закричать, но из опухшего горла не вырвалось ни звука. Однако существо как будто и так услышало его крик:

— Хватит! Прекрати! Я готов!

— Вот с этого бы сразу и начал, мой хороший, — просипела тварь. Ощущение, что по нему ползут насекомые, тут же пропало. И даже боль куда-то отступила, словно он огордился от нее невидимой стеной.

— Что... что я должен сделать? — спросил Вадим, пока оно еще что-то не придумало. Не продемонстрировало, как будет его есть, например.

Существо вновь расхохоталось, и ему показалось, что вокруг него со звоном разбиваются тысячи и тысячи зеркал.

— Хорошие вопросы задаешь, пра-а-а-авильные. Нет, есть я тебя не буду, раз уж ты принял правильное решение. Ты пойдешь со мной, и год проведешь в моих владениях. Я тебя подготовлю и переделаю, кровиночка моя ненаглядная. А потом... когда ты будешь готов — ты заплатишь мне кровью. Старушке надо хорошо питаться, знаешь ли... это будет твоей расплатой за возвращение из-за грани, за ритуал. А ежель будешь хотеть и впредь землишку топтать и за пределы моих болот шастать — сам сможешь звать других и даровать им силу и власть, что я тебе дала. Но это будет потом, мой вкусенький... а пока — МОЛЧАТЬ.

И тьма опустилась на сознание Вадима, а холод и зловон-

ная жижа стали для него всем на этот год.

Глава 2. Тогда. Встреча

Катя брела вперед, маленькими шажочками переставляя ноги. Сейчас её вряд ли узнал бы кто-то из одногруппников. На голове платок, как у бабки из церкви, сама в мешковатой блузке и бежевой юбке до пят, какую еще её бабушка носила. Платок она предпочитала носить почти как капюшон — чтобы лицо было не очень видно. Ходить вот так по улице — одно из немногих удовольствий, что ей остались. А скоро болезнь заберёт и его, ведь так? Но пока можно было хотя бы гулять, Катя брела вперёд и думала о своём.

Её всегда забавляла простота названий в родных местах. По улице Озёрной пойдешь — попадешь к озеру. По центральной — выйдешь в центр деревни. Практически никаких шансов заблудиться. Не то, что в больших городах, вроде Петербурга. Ей нравилось и в центре, но там было не так. Суетно, громко, беспокойно.

Город на Неве как будто и сам был живой, дышал, смеялся, шептал глупым короткоживущим людишкам — попробуй, рискни, сделай что-то выдающееся! Или хотя бы достаточно поганое, чтобы тебя запомнили. Не оставайся серостью! А здесь даже миллениум прошёл так, словно ничего и не изменилось. Подумаешь, две тысячи лет минуло. И еще две тысячи минет, а улица Озёрная всё также будет вести к озеру, и люди всё также будут брести туда, когда захочется

покормить уток.

Катя взяла хлеб с собой. Утки не виноваты, что ей недолго осталось. Они вообще ни в чём не виноваты, это всего лишь птицы, и, если бы болели они, без помощи человека не было бы и шанса что-то с этим сделать. Глупые мысли. Катя встряхнула головой и отщипнула кусочек от буханки. Кинула его ближайшему упитанному селезню, птица тут же опустила голову в воду, забирая угощение. Жаль, что друг другу люди помогают только за деньги. Жаль, что у неё этих денег нет.

Она снова кинула утке хлеб, и на этот раз кусочек достался совсем маленькой серенькой уточке, вовсе не такой упитанной, как остальные. Катя утёрла некстати выступившие слёзы тыльной стороной ладони. Вот и она что та уточка. Ездить в Петербург и доказывать врачам, что ей нужно лечение по ОМС, и не в порядке очереди, а быстрее, не было ни сил, ни денег. Только и оставалось, что кормить уток, пока силы есть хотя бы на это, и думать, думать, думать... по крайней мере, от бабушки остались сильные обезболивающие. Значит, какое-то время боли удастся избежать.

Катя снова резко тряхнула головой, пытаясь сосредоточиться хоть на чем-то хорошем, но не получалось. Тогда она принялась рассматривать немногочисленных прохожих, и тех, кто, как и она, пришел в неожиданно тёплый осенний день покормить птиц. Буквально через пару десятков метров от неё на зеленой скамейке сидели две бабушки и о чем-то

негромко переговаривались.

Одна — в легком бежевом пальто по фигуре, с укладкой, накрашенная. Что она вообще забыла в их глуши? Возможно, подругу? Или уток? Эдакая пожилая модница, у которой всё хорошо с финансами. Вторая — просто бабушка. В цветном платочке и не особенно красивом тулупе, и в больших круглых очках. Лиц с такого расстояния Катя не видела, но была уверена: бабушка в платочке — из местных, а вот вторая — приезжая. Вряд ли надолго, вряд ли останется здесь.

Даже старики уезжали из их почти вымершей деревни. Только Елизавета Васильевна, бабушка самой Кати, не смогла. Сначала из-за денег — Катя мечтала, что выучится, зарабатывает достаточно, и заберет в город. А потом... потом стало не до мечтаний. Она снова перевела взгляд. Бабушки явно не помогали отвлечься от мрачных мыслей. Перевела — и замерла. Вот этого точно не может быть!

Она протерла глаза, словно спросонья, крепко зажмурилась, и посмотрела влево снова. Но он никуда не делся. Кудрявый, в очках, в стильном тёмно-синем пальто. Может, просто похожий молодой человек? Но что в этой глуши делать молодому парню? Даже те, кто здесь и родился, при первой возможности уезжали... как и она сама, собственно. Но Вадим умер незадолго до того, как она вышла в академ, чтобы заботиться о бабушке!

Помнится, Катя даже вздохнула с облегчением. Сразу вспомнилось, как он проходил мимо с Лариской Тихомиро-

вой, и шептал ей на ухо громко, чтобы все слышали:

— Смотри-ка, а Немочь балахон новый купила. Этот на мешок картошки похож. А следующий, интересно, на что — рваньё с помойки?

Тихомирова смеялась, а Катя представляла, как выплеснет ему в лицо горячий чай, или влепит пощечину. Иногда в красках — даже подтеки сладкого чая по холёному лицу и спутавшиеся мокрые волосы. И мат в её адрес, конечно. Но Катя шла мимо. А узнав, что его больше нет — едва не улыбнулась во все лицо. К счастью, быстро себя одернула. И не стала выяснять, как так получилось, что совсем юноша, студент, её однокурсник и головная боль — и погиб. Им не рассказывали, а Катя сочла, что это не её дело.

Может, и сейчас так? Просто пройти мимо — наверняка она обозналась, и нет здесь никакого Вадима. Может, это турист, которому надоели привычные места, и он решил исследовать маленькие деревушки в дальних окрестностях Петербурга? Могло такое быть, разве нет?

Но ноги уже сами несли Катю ближе. В конце концов, терять давно нечего, так почему бы и не пообщаться? Это все равно не может быть Вадим, не подделал же он свидетельство о смерти, чтобы не ходить в универ. Это что-то из разряда абсурдных комедий, в реальности такого не бывает, верно?

Она подошла ближе, но молодой парень в синем пальто только поправил квадратные очки. И правда, зрение у Ту-

манова было так себе, а линзы он ставить боялся — это все знали, хотя он не признал бы никогда вслух. И носил очки. «Не круглые, а то похож на сову-ботаника, а стильные, как у нормального человека». Она помнила, как он это кому-то объяснял по телефону. То ли родственникам, то ли еще кому, просто столкнулась с ним в коридоре. Рядом не было Лариски или других зрителей, так что Вадим ничего не сказал. Только замолчал и проводил странным взглядом — Катя чувствовала его спиной.

Неужели, действительно он? Но как такое возможно? Люди же не воскресают из мертвых? Катя понимала, что, если подойдёт еще ближе — он обратит на неё внимание. Между ними и так оставалось метров двадцать, не больше. Сейчас пройти любое расстояние ей было сложнее, чем до болезни, даже настолько небольшое. И даже её маленькими шажками — это меньше чем полминуты. Но прежде, чем она вновь приблизилась, молодой человек поднял на неё взгляд и сказал:

— Катя? Ты вернулась? Не ожидал, — и знакомый голос не оставил никаких сомнений в том, что это действительно он. Разве что звучал Туманов намного более дружжелюбным, чем при жизни. Она поежилась. Может, это был розыгрыш? И он просто не умирал никогда? Но зачем тогда приехал сюда? В голове невольно замелькали разные страшные истории, как болотная нечисть оборачивалась знакомыми людьми и утаскивала наивных прохожих в зыбкую топь.

Бабушка в детстве рассказывала.

И про выходцев с того света, которые служат прожившей много веков болотной ведьме, и забирают непослушных детей и нескромных девиц. Но смерть необратима, в этом Катя была уверена. А если какая-то нечисть в самом деле хотела Катину душу, то ей стоило принять облик бабушки, а не противного одноклассника. Вслух, впрочем, Катя тихо ответила:

— Увидеть здесь тебя — более неожиданно, — и закашлялась.

С тех пор, как болезнь обострилась, говорить она могла, но почти всегда начинала кашлять от рези в горле. Как будто постоянная ангина, Катя по первости на неё и грешила. Простыла, мол, с кем не бывает. Горло застудила. Подхватила вирус. Лучше бы оно и правда было так, но чего уж теперь.

— Я могу тебе чем-то помочь? — все тем же дружелюбным тоном спросил Вадим. — Ты выглядишь... — он замаялся. — Неважно.

Катя усмехнулась, и вдруг подумала: а разве ей есть, что терять? И ответила так, как хотелось:

— Что, для того, чтобы у тебя проснулась совесть, надо было сдохнуть?

Раньше она никогда бы так не сказала. Бабушка говорила, что скромность — лучшее украшение женщины. Бабушка учила быть вежливой, стараться никому не мешать. Но Катя устала, а Вадим не был тем человеком, которому она хотела

бы доставить удовольствие. В конце концов, стоит признаться хотя бы себе — её обрадовало известие, что он погиб.

Катя помнила этот день, и помнила его хорошо. Третьекурсники с «гражданки» должны были идти ко второй паре, так что она хорошо выпалась. К тому же, это был первый день после зимних каникул, и никто не ждал беды. Настроение у всей группы было приподнятое, однокурсники переговаривались, шутили. Кто-то перечитывал конспекты, кто-то грыз прихваченный из дома или купленный по дороге шоколад.

Евгений Иосипович, который вел курс по банкротству физических лиц — традиционно опаздывал. Внештатникам можно было больше, чем «полноценным» преподавателям. Да он технически и не мог быть лектором — кандидатскую так и не написал. Катя сама его спрашивала, почему он не перейдёт в ВУЗ на полную ставку. Ответ получила лаконичный:

«Потому что кушать хочется, Скворцова!»

Всегда, вспоминая пары по банкротству, она вспоминала и этот ответ. И тогда тоже в голове крутилась вся эта ерунда. На однокурсников старалась особо не смотреть, всё ждала, когда войдёт Туманов, и все снова будут пялиться на неё и смеяться. Катя даже голову в плечи втянула, стараясь казаться как можно более незаметной. Это никогда не помогало, но уже давно вошло в привычку. Паршивую привычку, говоря по правде.

Маленькая аудитория, больше похожая на класс в элитной гимназии. Едва помещалось сорок человек, ожидавших теперь преподавателя и опоздавших. Катя злорадно подумала, что тут яблоку негде упасть, придётся Туманову постоять. Но где же он? Обычно ведь не опаздывал, наоборот, приходил одним из первых. Она нервно поглядывала на дверь, ожидая, что вот-вот...

Но вошел препод и вместе с ним Марфа Геннадьевна, их декан — и все разом замолчали. Потому что на строгой пожилой женщине, напоминающей профессора Макгонагал из «Гарри Поттера» лица не было. Сама бледная, вместо строгой высокой прически — кое-как собранный хвост, и под карими глазами всё покраснело. Ни грамма косметики на лице, хотя обычно она тщательно красилась на работу. Они даже не шушукались и не спрашивали, что случилось — просто резко замолчали.

— Здравствуйте. К сожалению, я вынуждена сообщить трагическую новость. Ваш однокурсник Вадим Туманов погиб на зимних каникулах. Подробности мне не сообщали, родители юноши убиты горем, не спрашивайте.

Лариса, до появления декана весело щебетавшая с Ольгой, такой же длинноногой девицей и лучшей подругой, побелела и выбежала за дверь в слезах. Марфа Геннадьевна не стала её останавливать, только проводила сочувственным взглядом, а затем медленно вышла. В этот момент она казалась даже старше своих семидесяти, растеряв былую моло-

жавость. Как будто умер не один из студентов, а её сын или внук. Катя ощутила тогда укол иррационального раздражения. И даже зависти — вряд ли кто-то стал бы так плакать по ней самой. Чем он им всем так нравился? Особой подлостью натуры?

Вечером после трагического известия Катя не выдержала, и купила торт. Шоколадный. Этого человека никогда больше не будет в её жизни! Конечно, она не улыбалась во весь рот, не пела и не танцевала, но хотя бы перед собой стоило признать: она была рада, что Вадима Туманова больше нет. Кроме него никто ей так жизнь не портил, если бы не он — её бы просто не замечали. Но вот прицепился молодой, красивый, еще и на контракте — к бедной бюджетнице из деревни.

Ей-то династию юристов не продолжать, и кроме бабушки — никого, даже поплакаться некому. Подруг заводить времени не было: Катя и училась, и работала по вечерам, и хваталась за любую подработку. На пафосные шмотки и косметику не было лишних денег. Идеальная жертва для богатенького мажора, разве нет? Но если он погиб — её оставят в покое. Так что она купила себе торт, и ела его одна, пока не объявились соседки. Праздновала.

А теперь этот «погибший» стоял перед нею и улыбался. И ничего его не смущало. Ни то, что он год как должен лежать в могиле. Ни то, что ему попросту нечего делать в родной Катиной деревне. Ведь не настолько всё у нее плохо, чтобы галлюцинации видеть. Да и больно объемная галлюцинация.

Даже с запахом: он пах духами с нотками бергамота и чего-то, похожего то ли на корицу, то ли еще на какую-то специю. Катя любила чай с бергамотом и запах ей очень нравился, а вот тот, от кого он исходил...

Вадим меж тем соизволил ответить:

— Слухи о моей смерти сильно преувеличены, — и поднял открытые ладони вверх, как бы «сдаваясь», словно они были давними друзьями или хотя бы хорошими знакомыми.

Катя поморщилась, и хотела было ответить, что он в любом случае может катиться к чертям отсюда, жив он или не очень, но Вадим продолжил:

— На самом деле, я искал тебя, чтобы извиниться. Я виноват перед тобой. Вел себя как последний придурок, портил жизнь... я был не прав, категорически. И хотел бы свою вину искупить.

Катя поморщилась, и, повинувшись внутреннему чутью, просто сняла платок. Пока её сбережений еще хватало, чтобы регулярно ездить в Петербург, и даже жить там по несколько дней, ей провели несколько сеансов химиотерапии. Так что от былой роскоши — длинной каштановой косы до пояса — практически ничего не осталось. Половина волос выпала, что осталось — она сама сбрила, чтобы не висели некрасивыми сосульками. Хорошо хоть бровей пока оставалось достаточно, чтобы их спасало подкрашивание простеньким карандашом.

— Ты мне уже ничем не pomoжешь, — холодно отозвалась

она. — Не знаю, зачем ты имитировал свою смерть, и как тебе это удалось, но я не хочу тебя видеть. Я тебя ненавидела, и радовалась, когда ты сдох, понял?

Она развернулась и побрела обратно домой. Как назло, обезболивающее начало «отпускать» именно в этот момент. Словно по заказу. Но она уже привыкла терпеть, так что зашагала по мостовой настолько быстро, насколько это было возможно. Конечно, молодой здоровый парень без проблем сумел её догнать, и встать на её пути.

— Я не удивлен, — на ходу сказал он. — Я это заслужил. Но я хочу, чтобы ты знала: на самом деле я тобой восхищался, Катя, я...

— Ага, а я — Китайский Император, и мы сейчас в Маньчжурии, — мрачно отбрила она. — Перед Марфой Геннадьевной извиняйся, она искренне плакала, говорят, была на похоронах, — Катя закашлялась. Слишком больно стало в горле. Она давно так много не говорила — не с кем было после смерти бабушки.

Вадим снова преградил ей дорогу и придержал за плечи. Его глаза странно сверкнули, словно на миг стали из карих тёмно-зелёными, как зыбкая болотная топь. И боль отступила, как от обезболивающего. Катя вздрогнула всем телом. Нет, это ей точно снится! В реальной жизни такого не бывает! Ей на миг показалось, что от Вадима даже пахнет не духами, а болотной тиной и гниющей плотью. Как будто кто-то разморозил мясо и забыл о нём на недельку, положив в

тепло. Но наваждение быстро исчезло.

— Я не сказал, что не умирал, Катя, — ответил он серьёзно.

Катя вырвалась из его рук и побежала. Сердце колотилось от страха. Бабушка всегда говорила, что от тех, кто вернулся с того света — жди беды. За собой утащат. Только она не верила, смеялась, отмахивалась. И в сказки про болотных ведьм, живущих за счет своих земных слуг, тоже не верила. Но сейчас у нее перед глазами проносились страшные истории, что бабушка рассказывала перед сном, когда она была маленькая, а ноги сами собой несли её домой.

Только пройдя Озёрную улицу до конца, она поняла, что Вадим её больше не преследует. Нет никого за спиной, он не стал дальше навязываться. Она остановилась, тяжело дыша. Бред какой-то. Никаких ведьм не существует, и никто не возвращается с того света. Ей это просто привиделось, вот и всё. Или этот паршивец шулки ради имитировал свою смерть, а теперь приехал, чтобы её напугать.

С другой стороны, на кой оно ему надо? Катя оглянулась, и поняла, что так и выронила платок рядом с ним. Значит, точно Вадим ей не показался. Впрочем, таких платков у запасливой Елизаветы Васильевны было очень много, а ей самой они уже не понадобятся. И даже если бы она была жива, и эти тряпочки были бы ей позарез нужны, для Кати баба Лиза ничего бы не пожалела.

Где она, та баба Лиза... хорошо ли ей там, где она сейчас?

Катя смахнула некстати выступившие слёзы и тихо добрела до аккуратного двухэтажного домика, огороженного белым деревянным забором. В прошлом году красили, только зачем? И яблони в саду плодоносили, как бабушка и хотела. Сгниют яблоки, некому их собирать. Сил нет, да и желания тоже. Можно было бы соседей позвать, но по осени тех соседей оставалось...

Летом здесь еще жили. Приезжали в деревню как на дачу, в отпуск. Грелись на солнышке, ели свежие фрукты. Мальчишки купались в озере и пытались то рыбачить, то ловить руками уток, что у них, конечно, не получалось. А как сентябрь наступал — безлюдная деревня. Оставались одни старики, решившие здесь доживать свой век. Вот и Катя осталась, с бабушкой.

Справила её похороны, потратив её же сбережения, аккуратно откладываемые как раз на это. Катя отворила калитку, и села на лакированную лавочку рядом с домом, которую им пару лет назад сколотил дядя Коля. Вспоминалось, как она говорила бабушке таким же вечером, только летним:

— Да ладно тебе, ты у меня сто лет проживешь, правнуков еще нянчить будешь! Хватит откладывать похоронные, живи лучше сейчас, ешь повкуснее, отдыхай больше. Дался тебе этот сад и эти похоронные... деньги живым нужны, а не мертвым.

Они пили вместе чай на кухне. Баба Лиза разлила по второй кружке из пузатого золотого самовара, оставшегося ей

еще от её собственной ба, поправила очки на носу слегка дрожащими руками. Потом улыбнулась, как умеют только бабушки — вроде и снисходительно, но не обидно, а с высоты прожитых лет и бесконечно иного, чем у самой Кати, опыта:

— Ты права, Катёнок. Деньги нужны живым. Например, моей внучке, которая, я знаю, будет горевать о моём уходе, что бы я ей не сказала об этом сама. Похороны нынче дороги, а государству ты меня не доверишь, хоть живую, хоть мертвую.

— Я не хочу, чтобы ты осталась на участке на муниципальном кладбище, где никого из тех, кого ты любила, нет, — проворчала Катя мрачно. — Конечно, не доверю. Но до этого еще далеко, ба!..

— Далеко али близко — ни ты, ни я знать не можем. А денег у тебя таких нет, тебе самой вставать на ноги нужно. Еще чего не хватало, чтоб ты в кредиты лезла или дом продавала, чтобы мой труп лежал в месте покрасивше. Пусть будут деньги, потратить всегда успеем, — твердо сказала бабушка, и положила Кате на тарелку румяный ажурный блинчик, как бы давая понять, что разговор на эту тему окончен.

Два года всего прошло с этого разговора. И кто бы знал, насколько бабушка права была! Если бы не те, отложенные ею деньги, Катя бы не доехала до Петербурга ни разу, и скорее всего сейчас уже была бы лежачей. Да и похоронить бабушку и в самом деле не смогла бы, и пришлось бы обра-

щаться за помощью к государству. А что до продажи дома... она ведь пыталась обратиться в риэлтерские агентства, чтобы его продать, и поехать лечиться.

Только никому не было нужно жильё в такой глуши. Если только совсем за копейки — хорошо, если хватит на комнату в коммуналке. И тогда лечиться ей бы один хрен было бы не на что. Да и время... они годами могут покупателя искать. А нет у Кати этих лет. Замкнутый круг. Без нормального лечения нет времени, чтобы хоть как-то продать дом. Без денег от продажи дома нет возможности нормально вылечиться. И денег взять ей было просто неоткуда...

Наконец, Кате откровенно надоело жалеть себя. Она встала со скамейки, мрачно пнула её, что есть силы, ругнулась от боли, и шаркая ногами побрела в дом. Стоило хоть бульону попить, на одном кормлении уток далеко не уедешь. Сколько бы ей ни осталось, а хоронить себя раньше времени она не будет.

Если бы Катя посмотрела в сторону калитки, она увидела бы, что всё это время в её сторону, не мигая и не двигаясь смотрел бывший одноклассник. Но она не обернулась.

Глава 3. Сейчас. «Вкуссссненький»

Катя внимательно слушала, и с каждым словом, что Вадим произносил, всё больше бледнела. Разве же это нелепо? Это очень жуткая смерть, страшная, мучительная. Она никогда ему такого не желала. Не желала же, правда? Не могла?

В глубине сердца Катя как будто слышала совсем другой голос:

«Ты ненавидела его, и не сказать, чтобы незаслуженно. И тебе-настоящей не было бы его так сильно жаль... проснись, Катя! Проснись...»

Но ей не хотелось его слушать, этот голос. Голос боли, голос слёз и страданий, голос кладбищ и одиночества. Сейчас было так легко! Единственный, кому хотелось дарить теплоту и участие — её любимый. Мало ли, кем он был в прошлом, он изменился. Он вернулся к ней и за ней, чтобы искупить свою вину и остаться рядом. Никто больше не пришёл ей на помощь, только Вадим...

— Знаешь, ты неправ, — сказала она вслух тихо. Её странной внутренней борьбы Вадим, казалось, и не заметил, увлеченный своим рассказом.

— В чем же? — он свернул с дороги в болотистую местность, но как ни странно, машина не только не застряла: она как будто бы даже стала ехать быстрее.

— В том, что это нелепо, — с готовностью отозвалась Ка-

тя, даже подскочив слегка на месте. — Ты... ты попал в аварию совсем один, в какой-то глуши, уязвимый и всеми покинутый. Это не смешно, это страшно. И неправильно. Такое не должно происходить с хорошими людьми, — часть её противилась тому, чтобы называть Вадима хорошим человеком. Но если подумать, у этой части не было особых поводов? Лариса сама виновата. Не будь она такой стервой, он выбрал бы кого-то другого. В мире много плохих людей, и нужны хорошие и сильные, чтобы их наказывать. Справедливости нет, её нужно творить самим!

Вадим усмехнулся, поправляя запотевшие очки:

— То-то и оно. Это же надо быть настолько неудачником, чтобы в такой глуши умудриться напороться на ненормального, гоняющего по лесам на сверхскоростях. Или, наоборот, везунчиком? — он вдруг рассмеялся, и Катя встревоженно посмотрела на него.

— Я сказала что-то смешное? — она даже привстала на месте, несмотря на защелкнутый ремень безопасности.

— Нет, дело не в тебе. Ты всегда в тему, и если говоришь что-то смешное — то это приглашение посмеяться с тобой, а не над тобой. Не вспоминай, каким я был. Тупым закомплексованным мудаком, скажем прямо, — он вновь повернул в еще более болотистую местность, но, на удивление, за исключением хлюпающей под колесами грязи, Кате здесь нравилось.

Катя была почти уверена, что на этом болоте растёт мо-

рошка, и если она очень постарается, то сможет её найти. Да и зелени кругом было очень много, а дышалось легко. Разве что комары пищали где-то вдалеке, но туда ведь можно и не ходить? Она вновь перевела взгляд на Вадима, потому что он продолжил:

— Просто если подумать, мне именно что повезло. Кем я был? Одним из сотен тысяч глупых самодовольных мальчишек, не способных отличить важное от увядших листьев. Наверное, если бы мне тогда кто-то постучал по голове, то услышал бы звон, — он фыркнул. — И тебе я не смог бы ничем помочь, разве что лечение оплатить. Но это мучительно и помогает оно через раз. А еще рак коварен и часто возвращается, всё более и более жестокий. Теперь же... я могу не бояться тебя потерять. Стоила ли та, прежняя жизнь такого могущества? — он мечтательно улыбнулся, глядя вдаль.

Потом погладил Катю по руке, прежде чем она что-то сказала:

— Но я отвлёкся, а тебе наверняка интересно, что было дальше.

— Да уж. Ты ведь выбрался оттуда, ты живой, тёплый, и говоришь со мной. Как тебе это удалось? — она погладила его в ответ по кудрявым волосам. А ведь когда-то Катя хотела так сделать, еще до того, как они познакомились. На самой первой встрече в аудитории, когда их поток впервые собрался на лекцию. Она подумала тогда: «Какой красивый парень! Интересно, какие у него волосы наощупь?»

А потом всё покатилося в тартарары. Но ничего, теперь всё будет правильно. Он уже ей доверяет и готов делиться своими сокровенными тайнами. Кате нужно лишь выслушать его и принять — сущая малость за спасение жизни в безнадежной, безвыходной ситуации.

— Хозяйка Болот не лгала. Впрочем, я опять забегаю вперед...

Вадим и впрямь не мог произнести ни слова с того момента, как существо приказало ему молчать. И если в том, что он не может говорить вслух не было ничего удивительного — с разорванным горлом вообще не живут, куда уж там разговаривать. То странное чувство, когда ты не можешь даже думать без дозволения чужой силы, или как минимум облекать свои мысли в слова, оказалось... обескураживающим. Такого Вадим не читал в сказках, и не слышал от родителей и бабушки. Как такое вообще возможно?

Впрочем, до недавнего времени он и ведьму считал невозможной, а она была с ним, и тащила его неизвестно куда. Была с ним... да, иначе и не скажешь. Он чувствовал её присутствие. Он понимал, что перемещается в пространстве, и очень быстро. Ощущал гниlostное зловоние, исходившее, казалось, со всех сторон сразу. Но Вадим ничего не видел и не слышал, как будто стал туманом или болотным газом — и ведьма вместе с ним. Даже дышать — и то не получалось. А в том, что заменяло ему голову, пульсировал лишь один

намёк на оформленную мысль:

«Яужемертв, яужемертв, мертв...»

Сущность как будто чувствовала его попытки думать. Или, быть может, просто читала мысли? Она скрипуче захихикала, словно когтями по стеклу провела, и отозвалась:

— Конечно, мертв, мой вкусенький. С такими ранками, как у тебя, слабенькие человечьи тельца просто не живут. Но мы это исправим! Кто сказал, что смерть необратима, тот просто слишком цепляется за кресты да полумесяцы. Не нужно это. И глупые ваши помыслы не нужны. Только мешают правильно подлатать.

Что она имела ввиду, он бы не понял, даже будь он жив и здоров. А в мареве боли, когда он не видел ничего вокруг себя, только слышал голос этой твари — даже попытаться понять не мог. Как и осознать, что вообще происходит. Что она будет делать? Что с ним будет дальше? Поймёт ли он когда-нибудь, где вообще оказался?

Но Вадим лишь слышал хохот, и тот как будто в его же голове, или в том, что от неё осталось. А потом тварь запела. И если раньше голос её звучал, словно набор самых отвратительных звуков, какие только может вспомнить человеческое сознание, то теперь это было... нежное и необычайно мелодичное пение. Будь Вадим верующим, он бы подумал, что это запели ангелы.

Голосом одним тварь плела нежную мелодию, соединяя нежное звучание скрипки и переливы фортепьяно, а потом

вплетала в своё песнопение звуки и вовсе невозможные. Звон колокольчика, который отец подарил ему года в четыре. Голос Кати, когда та радовалась чему-то и смеялась — не с ним, но при нём. Мурлыканье старенькой кошки Муси, что грелась на солнышке на подоконнике, и наполняла всю залившую солнечным светом комнату мерным тархтением. Скрип колёс его первого собственного велосипеда. Даже его рингтон на мобильном — песню, которая так понравилась Вадиму, что он нашёл её и поставил на заставку. Сказочную балладу какого-то англоязычного исполнителя.

И с каждым звуком из прошлого Вадим чувствовал нестерпимую боль, словно кто-то наживую выдирает из него нервы. Сначала в зубах, а потом, постепенно — всё, что в теле вообще когда-либо были. Его даже не резали — его рвали, только не тело, а что-то глубоко внутри, там, где он и не подозревал, что у него вообще есть нечто. Он ведь и впрямь считал себя атеистом... при жизни. Но оказалось, когда из тебя вырывают душу, это вполне можно почувствовать. Бывала ли на этом свете боль сильнее? Он не знал, и теперь, должно быть, и не узнает никогда.

— Никогда не наступит утро, если мрак в душе, — шелестяще на этот раз пропела тварь. — Но если никакой души нет, то тебе и не нужно утро, милый мой мальчик, — она снова глумливо захихикала.

Вадим же чувствовал себя так, словно его разделили на две части. Сознание было с ним — и куда более ясное, чем

раньше. И смех твари перестал казаться ему настолько уж омерзительным, как казалось бесконечное множество мгновений назад. И сам для себя он стал смешным, нелепым даже. Клоун! Зачем тебя понесло в глухомань, неужели нельзя было пойти бухать с друзьями, и остаться целым и невредимым? Ну и что, что хотелось другого, вменяемые люди в состоянии отбросить идиотские хотелки, и поступить адекватно. Так нет же! Захотелось на красоты посмотреть. Посмотрел. И как, легче стало?

Но в то же время что-то ныло, как дырка от вырванного зуба, только в сердце. Как будто чего-то не хватало, и это нечто было настолько важным, что оставляло после себя фантомные боли. Вадим не смог бы сформулировать — что случилось. Его просто стала половина, и он знал, что теперь не сможет даже мечтать о том, чтобы вновь стать цельным. И обе его половины пока чувствовали друг друга и стремились друг к другу, только исправить сотворенное была власть лишь у сущности, что завладела им, но никак не у него самого. А она не собиралась ничего исправлять. Она продолжала начатое.

— Ох, нет, вот это тебе тоже лишнее, хорошенький мой. Будешь слишком много ворчать, кто же за тобой пойдёт? Никто не пойдёт. Но совсем забирать не буду, конечно. Приглушу, — проскрежетала тварь, а потом начала бить по чему-то, как будто бы ладонями. По крайней мере, звук был такой, словно бьет она ладонями, и у этого битья был свой

ритм, тоже складывающийся в мелодию. Только эта мелодия была симфонией диссонанса, настолько она противоречила гармонии окружающего мира, что назвать её иначе у Вадима не получалось.

«Так вот зачем ты хорошо учился в школе. Чтобы даже на том свете умничать», — мрачно подумал он сам о себе, и осознал, что теперь он может по крайней мере формулировать мысли, а не цепляться за образы. Хоть что-то. Крохи, но эти крохи постепенно к нему возвращались. Может быть, она и правда вернет ему жизнь? Хоть какую-то? Лучше бы в блоху превратила, если это и правда болотная ведьма, как Вадиму теперь казалось. Или в собаку. Всё лучше жить так, чем не жить вовсе, или жить — но лоскутным одеялом из обрывков самого себя.

Продолжая всё быстрее набивать гулкий ритм, сущность проскрипела, словно несмазанная древесная половица:

— Я никогда не лгу. Будешь жить, будешь, лучше новенького станешь...

А новая мелодия будила в нём совсем иные образы. И на этот раз «приходили» не звуки-ассоциации. Вовсе нет. Теперь Вадим проживал самые отвратительные воспоминания, что были у него в жизни. Даже те, какие, казалось, давно стерлись, не оставив о себе и тени памяти.

Вадиму три годика. Они где-то с мамой. Он хочет есть и домой, но мама говорит, надо стоять и терпеть, или посидеть в коляске и потерпеть, но домой они не пойдут. Странное

большое белое здание, тогда ему совсем непонятное, пугает хорошенького пухлощекого мальчугана с длинными, как у девочки, золотистыми кудряшками. Сейчас он знает: это больница, и матери правда нужно было на это обследование. Но трехлетний Вадим не понимает этого, и ему скучно и голодно.

Он вырывает маленькую ручку из маминой руки, и что есть мочи бежит вперед, а мама бросает все свои глупые дела и пытается его догнать. А потом что-то скрипит — визг шин — и мама цепко хватает его за плечи, до боли:

— Скотина малолетняя, ты мать чуть до инфаркта не довел! Тебя едва не сбила машина! Кому я сказала, нельзя домой! — она громко кричит, а потом снимает с себя тоненький поясok пальто, и наотмашь хлещет его, куда придётся.

— Не смей. Никогда. Больше. Убегать! — цедит его любимая мамочка злым и страшным голосом, и делает ему больно. Он плачет навзрыд, чувствуя себя самым несчастным ребёнком на всём белом свете, а мама тянет его за руку обратно домой и требует не реветь, потому что он сам виноват.

Взрослому Вадиму мама рассказывала эту историю. И она чувствовала себя перед ним очень виноватой. Говорила, что у нее чуть не остановилось сердце прямо там, потому что его и правда едва не сбила машина. Но для Вадима трёхлетнего это был страшный день, когда любимая мама превратилась в Страшно Громкое Чудовище. И теперь он не знал, когда чудовище снова станет его мамой, и можно ли сделать так,

чтобы оно совсем не приходило.

Вадиму семь. Он только-только начал ходить в школу, и пока не понимает, что это очень надолго. Школа ему нравится, к тому же она совсем рядом с домом, и он может ходить в неё сам, словно совсем взрослый! Конечно, мама обязательно встаёт с ним, одевает его, проверяет, чтобы он хорошо умылся и заставляет надевать колготки. Приносит завтрак, хотя он никогда не хочет есть так рано. Но это всё такая ерунда! Ходит-то он сам! Большой уже.

И возвращается из школы тоже сам, радостный, что они уже начали проходить буквы, и Маргарита Анзаровна его похвалила. Вадим хочет поделиться этим с мамой, ведь это так здорово! Но когда он звонит в домофон, никто не открывает. Он стоит долго, даже успевает замерзнуть, хоть осень и только началась. И когда ему кажется, что дверь никогда не откроется, кто-то выходит. Он видит соседку, про которую мама говорила, что она баба Нюра, и вежливо здоровается, но та просто проходит мимо него, по своим делам.

Вадим забегают в дверь подъезда и мчится на четвертый этаж: лифта нет, и они с мамой привыкли ходить ногами. Он даже и не знал бы, что бывает иначе, только его Вовка на своем лифте покатал, а мамам просил не говорить. Но это было совсем в другой день, а в этот он почти бегом поднимается наверх и звонит в дверь. И хотя от громкого звонка хочется подпрыгнуть в ужасе, никто ему не открывает. Зато за дверью кто-то очень громко кричит.

Он вслушивается, и понимает: а кричат-то мама с папой. Вадим не может разобрать слов, но узнаёт голоса. Как так вышло, что они оба дома? Почему они такие громкие? Он сделал что-то плохое? Мальчик снова звонит в дверь, и, наконец, она открывается, но мама возмущается:

— Где ты шлялся столько времени? — и тычет пальцем в папу. — Весь в тебя, козла трехрогого, — мрачно шипит, а потом снова кричит: — А ну марш в свою комнату! И чтоб нос не высовывал, пока не позову!

Папа на него и вовсе не обращает внимания, и от него очень плохо пахнет. Так противно, когда он проходит мимо, а потом вдруг неожиданно замечает:

— Вааадик! Харррошенький... — папа шатается, и пытается обнять Вадима.

— Очнись, пьянь! Ребёнка задавишь, идиот! — мама отталкивает отца, и толкает сына в сторону комнаты, дальше.

Вадим убегает, даже не успев снять уличную обувь, а мама пихает ему в руки тапочки. И они продолжают кричать. Точнее, мама кричит, а папа просто очень странный. Он слышит их из-за двери — у них всего две комнаты, и его комната «выходит» в родительскую. У них дома мало места, и как бы Вадим ни хотел, ему некуда спрятаться. Он снимает с себя школьную форму, рвёт колготки, ложится на кровать и просто плачет. Почему они такие? Всё же было хорошо! Зачем... так?

Снова всё меняется. Теперь Вадиму одиннадцать. Он уже

давно умеет читать, и, хотя его друзья сказали бы, что он херней мается, а то и вовсе засмеяли, читать ему очень нравится. Особенно те книжки, которые ему никто не давал, а он сам их нашел у родителей и просто взял. Родители глупые, они думают, что он маленький, и дают ему какие-то сказки для малышни. А он берет у них приключения! Про пиратов, про Тома Сойера и его такой интересный забор, про драконов и рыцарей, и про мушкетеров, которые несут подвески для королевы. Всё, что под руку попадётся.

А чтобы его не поймали, читает он по ночам. Включает лампу-ночник на самый слабый режим — так родителям не светит под дверь, и они не видят, что он не спит. А потом лежит в кровати с книжкой, иногда до утра, иногда как получится.

Но в эту ночь он успевает только-только увлечься похождениями какой-то Стальной Крысы аж в целом космосе, когда в комнату вбегает очень злой папа. Отец что-то громко кричит, но от страха и неожиданности Вадим не может даже разобрать слов. А потом папа его бьёт, прямо по лицу. И Вадим плачет, громко, как маленький, а тот только больше орёт, и, наконец, просыпается мама.

— Что случилось?! — восклицает она, вбегая в комнату, лохматая и заспанная, в большой зелёной майке на всю маму. Потом смотрит куда-то мимо. Нажимает на кнопку, которая включает свет, а свет не включается.

И пока папа продолжает кричать что-то странное, как буд-

то это Вадим свет выключил, она хватает его за руку и в лицо перекрикивает:

— Напряжение в щитке скакнуло, полудурок! При чем здесь ребёнок вообще?! Иди спи, я почию, идиотина!

И папа почему-то слушается. Но Вадиму больно, и он продолжает плакать. А к нему никто не подходит. Мама думает, наверное, что какой-то «щиток» важнее, и от этого как будто еще больнее. Когда она, наконец, всё-таки приходит, он уже не может плакать, потому что совсем осип. И ему совсем не помогает ни на следующий день, ни на последующий, что папа говорит, будто был неправ, и покупает ему конфеты. Конфеты не стоят страха. И одиночество тоже. Даже если подарить целую кондитерскую, все равно будет больно, страшно и очень обидно. За что с ним так, ведь он же не сделал совершенно ничего плохого?

Вадиму четырнадцать. Он уже давно понимает, что отец у него — запойный алкаш. Долгое время может быть нормальным, а потом как учует рюмку — и пока не вылакает всё, до чего дотянется, не протрезвеет. И ладно бы только это, но пьяный он становился совсем непредсказуемым. То обниматься лез, дыша в лицо перегаром, то орал и кидался «воспитывать» ремнем и кулаками за какую-то совершенную ерунду.

Вадим мог бы понять, если бы получил от отца за то, что курит, например. Но за то, что он повесил куртку у себя в комнате? Не сразу помыл тарелку? Да ну его нахер, с его по-

рядком и тарелками, он же не девка какая-то, чтобы посуду мыть.

А самое паршивое, что папаша так-то вполне приличный, если с ним не жить и не знать, что он вытворяет. Зарабатывает хорошо, из малогабаритной двушки съехали всей семьей в четырёхкомнатную в зеленом районе, коллеги его уважают, мамка бросать не собирается, хотя орёт как оглашенная, когда он напьется. Толку орать, он от этого что, протрезвеет что ли? Один раз он даже спросил, но получил по морде и больше рта на эту тему не открывал. Если уж получать по лицу, то хоть за что-то приятное. Например, за сигареты. А вот эту дрянь он в рот не возьмёт. На кой ему надо становиться такой же свиньёй, как папаша?

В этот раз отец ведёт себя совсем странно. Входит к нему в ванную, когда он моется под душем, и стоит пялится, никак не пытаясь побыстрее уйти. И вроде он тоже мужик, да и родной отец, какой-никакой, а Вадиму от этого взгляда липко, и хочется намылиться еще раз. Прикрыться. Он не выдерживает и спрашивает:

— Чего пялишься, пап? У меня вторая голова на жопе выросла что ли, или что?

Папаша ничего не отвечает, только бубнит себе под нос:

— Я немножечко... — и трогает огромной лапищей родного сына за тощую задницу. Вадим визжит, как девчонка, настолько это странно и мерзко. И просто поливает его горячей водой прямо в лицо. Папаша смотрит на него почти

осмысленно и бурчит:

— Да чо сразу в морду-то... — и уходит.

Никогда больше они не вспоминают об этом странном эпизоде, и Вадиму кажется, что он и сам о нём когда-то был, стёр из памяти. Но магия или что оно там — воскресила, так что теперь ему снова мерзко.

Воспоминания продолжают течь из него, как вода из дуршлага, и они ускоряются. Их становится больше, и они льются, льются, прямо под ритм, который всё убыстряется. А потом он заново видит, как уже после переезда в большую квартиру и рождения мелкого, отец совсем съезжает с катушек и ранит его ножом в ногу. Что-то бормочет про то, что Вадим его заменит, и этого нельзя допустить. Они прячутся с матерью и Илюхой в комнате мелкого и мать звонит санитарам и обещает хорошо заплатить сверху, если они приедут побыстрее и «прокапают этого дебила» без лишних записей в документах.

— Нельзя моему Димочке с диагнозом, понимаете? У меня двое детей, их поднимать надо, кормить, учить и лечить... Пять штук баксов на бригаду дам, только сделайте или дайте тех, кто может...

Вадим знает, что ему на новый плеер с диском, а не касетой, у неё якобы «денег нет», и бесится, что ради папаши они как-то сразу нашлись, хотя отцу лечиться надо, давно и плотно. А еще ему больно. И, если совсем себе не врать — паршиво, потому что матери он не нужен, папенька его —

псих, а мелкий еще мелкий, и по сути своей обуза. Как бы ему хотелось, чтобы их не стало, а бабки и мелкий — остались. Он бы его сам как-нибудь вырастил, без этих. Но он всего лишь ребёнок с точки зрения закона, так что прав у него никаких нет.

Как там говорил отец, пока крыша совсем не уехала? «Твоё — только говно в унитазе, а всё остальное в этом доме купил я! И покупал даже тогда, когда твоим быдлокласникам жрать нечего было! За это ты мне ноги целовать должен, а не вые...». А теперь этого козла мамка готова выгораживать как угодно и за любые деньги. А ведь он и её башкой об косяк прикладывал! А она потом врала, что сама упала, дура.

Вадим с наслаждением представлял, как сам воткнет в этого психованного нож раз эдак двадцать. В жирное брюхо, в шею, на которую тот напялил толстую золотую цепь, и потом просто куда попадёт. Удар за ударом, и злобное бухое тело просто сдохнет и оставит их с братом в покое...

А пока он пытался успокоиться кровавыми картинками в голове, мамаша продолжала вещать в трубку. И кажись договорилась, тупорылая... Как его это бесило! Хоть он и не понял половины того, о чем именно она договаривалась. Почти месяц они потом папашу не видели. Но вернулся — вменяемый. И бухать завязал, хоть и не сказал, почему и что ему там вообще говорили и делали.

Вадиму семнадцать. Родаки и мелкий изображают нор-

мальную семью, отец снимает толстенную цепь и решает носить костюмы. В коричневом брючном костюме он похож на огромного человекообразного жука, а когда надевает пальто — кажется, что вот-вот раскроются крылья и на свою работу он полетит, а не пойдёт. Вадим ждёт, пока он уберется, и спрашивает мать:

— Мам, ты что, так ему всё и спустишь? Да, он теперь вменяемый, но это же не навсегда...

— Вадик, миленький. Ему помогли. Хватит об этом. Я тоже много чего наворотила, пока папа не в себе был. Раньше надо было с этим что-то делать, а я боялась. Он не виноват в том, что творил, он был не в себе. Мы же семья, мы должны уметь прощать друг друга, — мама больше не похожа на дерганную озлобленную бабищу. Наоборот, она стала какой-то совсем другой. Ласковой, заботливой.

И даже внешне всё поменялось. Раньше она всегда была в джинсах и длинной футболке, волосы были собраны в куцый хвостик, она не красилась. Хотя деньги были. А теперь стала носить дома платья, перестала орать по поводу и без, часами торчала у зеркала. Ему надо было за нее радоваться, а он злился. Как вообще забыть всё то дерьмище, что творил этот псих, от которого она его родила?! Но мама изменилась, и Вадим не хотел, чтобы всё вернулось.

Она же такая и была, пока у отца крыша не улетела, но иногда её крыло тоже. Но ей потом было хреново. Она извинялась. А этот...

— Я не буду это с тобой обсуждать, — так он теперь говорил. И уходил в другую комнату, если сын пытался настаивать.

Мать говорила не так. У матери он был теперь «Вадик», она кудахтала над ним, как курица-наседка, да и над братом тоже. Но тому хоть было всего пять, над ним можно. А над Вадимом зачем? Он спрашивал у матери:

— Чтобы кого-то простить, он хоть извиниться должен. Хотя бы попробовать! А он даже не рассказывает, что там было такое. Пусть он уйдёт, а, мам? Бесит пи... сильно бесит, прости, — последнюю фразу он добавляет, когда на едва не вырвавшееся матерное слово мама смотрит на него тем самым устало-несчастливым взглядом из прошлого. Ведь когда она не орала, ему часто хотелось просто уложить её спать. А вот отец выбешивал и всё.

— Ему тяжело об этом говорить, Вадик. Он лежал в психиатрической клинике, его лечили и объяснили, что будет, если он продолжит... ну... — она нервно поправила причёску, которая и так была в полном порядке.

— Бухать как сволочь? — криво усмехнулся Вадим.

— Употреблять алкогольные напитки, — поправила мать. — Но, наверное, твое определение точнее. Не трогай его с этим. Ему стыдно за то, что было, он больше так не хочет.

Это воспоминание почему-то было самым болезненным. И даже сейчас Вадим не мог себе точно ответить, почему, только вместе с ним странная тварь как будто еще раз выну-

ла его душу, вновь возвращая разум в настоящее. А потом проскрежетала:

— Какой ты вкусный... Сколько потаённого, сколько всего, о чем ты не хочешь помнить и не хочешь знать, — он услышал хлюпающий звук, словно существо шумно облизнулось. — А ведь твои демоны никуда не ушли, они прямо под кожей жалкой душонки... я знаю, что ты для меня сделаешь, я всссссё знаю.

Она перестала ритмично бить по чему-то ладонями, или что там ей их заменяло. И вдруг кругом воцарилась полная тишина, а потом новая мелодия вонзилась в самое сердце, выкачивая из него кровь, слёзы и нечто, чему он не знал названия. Тварь радостно захлопала в ладоши, судя по звукам:

— О, я нашла! Нашла! Это мы оставим. Это будет с тобой, оставит тебе самое главное... она будет, будет, будет!

И вновь воцарилось всеобъемлющее ничто.

Глава 4. Тогда. Как мне искупить свою вину?

Утро Кати было таким же, как и весь последний месяц. Она проснулась от вновь усилившейся боли в горле и собственного кашля. Бабушкины часы, висящие на стене напротив кровати среди странных картин откуда-то из её прошлого и икон, показывали без двадцати шесть утра. Катя глухо застонала.

Спать — нет никакого смысла, кашель будет постоянно возвращаться. Вставать — тоже в общем-то никакого смысла. Хотя дома уже было холодно и стоило бы затопить печку. Тем, кто жил в городах, очень везло. У них было отопление, пока они за него платили. Здесь же... либо ты богат и поставил котёл своего собственного отопления, либо быт ничем не будет отличаться от того, какой был у самой бабушки в молодости. Хорошо хоть электричество было, всё-таки, под культурной столицей жили, а не абы где.

Вместо того, чтобы принять хоть какое-то решение, Катя лежала в постели, периодически кашляла, и рассматривала и так давно знакомую обстановку в доме. Вот хоть те самые часы взять. Деревянные, с золотистым циферблатом, по которому были выведены жирные 12 цифр, а под циферблатом — затейливый рисунок в виде солнца с изогнутыми в разные

стороны лучами.

Кажется, бабушка говорила, что дед их откуда-то привёз. Но Катя к стыду своему не могла вспомнить, откуда. А недалеко от часов стоял огромный деревянный буфет. Кажется, уже считавшийся антикварным? Знай Катя, куда и как, она попробовала бы его продать. Хотя вряд ли он такой ценный, чтобы за ним ехать аж в их глушь, но... а вдруг всё-таки нашелся бы такой дурачок, охотник за какими-нибудь коллекционными предметами?

Буфет был высоким, доставал до потолка. Верхняя часть делилась на четыре сегмента, на каждом из которых было искусно вырезано по двум завитушкам. Верхняя напоминала Кате то ли свечу, то ли вазу, а нижняя — шляпку гриба изнутри. Складывалась полукругом, а замыкающие части завитушки были похожи на отраженные друг от друга запятые. Еще вверху было что-то вроде балкончика. По бокам были тоненькие столбики, которые как бы держали ту часть, что упиралась в потолок, и они спускались вниз на часть с верхними ящиками, напоминая колонные, перетекающие в резные перила.

На каждом из верхних ящиков был нарисован какой-то барельеф. По бокам — нечто, напоминающее геральдического льва, а в центре что-то вроде религиозного сюжета. Кате казалось, что это «Тайная вечеря», но правда ли так — она не знала. Эти ящики держали столбики, напоминавшие индусов, держащих их руками. А внизу были самые обыч-

ные выдвижные ящички с резными металлическими ручками. И еще ниже — снова резные двери, уже нижних шкафов. По бокам были вырезаны странные звери, похожие на крыс с длинными, завернутыми в спираль хвостами. А по центру — длинношей зверёк, напоминающий оленя, и нюхающий растение.

Неужели кто-то и правда готов платить за такую странную вещь, как старый буфет с затейливыми вырезанными рисунками? И платить дороже, чем за нормальную современную мебель? Катя этого не понимала, но сама себе легко признавалась: разглядывание буфета — просто повод, чтобы не заставлять себя встать. В конце концов, что в её жизни есть такого сейчас, чтобы за нее цепляться? Вот только жирные озёрные утки, которые ждут хлебных подачек. Но даже они легко будут брать хлеб у кого-нибудь другого, и никакую Катю Скворцову не вспомнят.

И тут раздался настойчивый стук в дверь. Шесть утра, она не то, что не завтракала и не топила печь — даже не одета вовсе для приема гостей. Звонка у бабушки не было, она его считала излишеством, но неведомый гость стучал так, что, Катя аж вздрогнула. Она рывком поднялась с постели, и рассеянно забежала взглядом по небольшой комнатушке, что служила сначала бабушке, а теперь и ей самой спальней.

В доме было холодно, так что выбравшись из-под теплого одеяла она мелко задрожала. Еще бы, пуховое одеяло и шерстяной плед сверху тепло держали хорошо. А вот дом, когда

в нём не топили, остывал быстро. Катя бросилась в дальнюю комнату второго этажа, где спала раньше, пока бабушка была и жива, и здорова. Но спохватилась и вернулась обратно. Сейчас её нехитрые пожитки давно переехали в бабушкин гардероб, почти такой же старинный, как и буфет.

Высотой до потолка, с большим зеркалом на всю дверь, он когда-то Катю очень пугал. Казалось, там могут прятаться грабители или те самые монстры, которых дети обычно поселяли под кроватью. Но сейчас она просто схватила первые попавшиеся джинсы и длинный сиреневый свитер, и натянула всё это прямо поверх ночной рубашки, в которой спала. Пока она одевалась, стук повторился еще трижды, и становился всё настойчивее. Катя была ему даже благодарна: по крайней мере он заставил её шевелиться, иначе она бы встала к полудню, не раньше. Бабушка бы не одобрила.

Наконец, Катя добралась до двери, и громко спросила:
— Кто там?

Сначала ей показалось, что никто не станет отвечать. Тишина длилась, и длилась, и она уже совсем было решила, что это просто кто-то из детей приехал на выходные к оставшимся в Южеевке бабушкам и дедушкам, и от скуки решил подшутить. Но, наконец, она услышала виноватый голос того, кого вообще не хотела ни слышать, ни видеть:

— Катя, отрой, пожалуйста. Нам надо поговорить. Я очень виноват перед тобой.

— Туманов, убирайся! Я не хочу тебя ни видеть, ни слы-

шать. Тем более в шесть утра, — мрачно огрызнулась она через дверь. Как ни странно, от выплеснутой на кого-то другого агрессии становилось легче. Как будто бы даже стало проще дышать. Но Катя все равно закашлялась. Окружающий холод усугублял её состояние, да и громко кричать было больно. Она чувствовала каждую напряженную связку, и воображение рисовало опухоли, свисающие с них, как ягоды малины с куста.

— Я просто хочу хоть чем-нибудь искупить свою вину. Помочь тебе. И я знаю, что ты ранняя пташка и сейчас живёшь одна. Об этом говорят в деревне, — послышался ответ. — Пусти меня, пожалуйста, — уже громче добавил он.

Катя тихо выругалась. А ведь и правда, деревенским скучно, и что смерть её бабушки, что вот этот вот отвратительный индивид под её дверью — поводы скуку разогнать в первую очередь. Да, Елизавету Васильевну любили, и на её похороны выбрались многие из местных. Однако ж... она все равно была не их бабушкой. Так что на похоронах и шутили, и смеялись. Кто-то вспоминал, какая бабушка была в молодости, кто-то вообще использовал похороны как повод пообщаться. И только сама Катя просто плакала в углу, понимая, что осталась на этом свете совсем одна. Она передернула плечами. Нет, ей и так недолго доживать осталось, не хватало еще сплетни о себе всё это время слушать.

О болезни Кати соседи не знали. Ей не хотелось чужой жалости, не хотелось, чтобы говорили, как водится у суевер-

ных стариков:

— Лизка внучку за собой забрать решила. Может оно и правильно, все равно ни единой родной души у нее, кроме бабки.

Поэтому она молчала и старалась никому не показываться на глаза. Да и если не обращать внимание на кашель и бледный вид, можно было и не заметить, что с ней что-то не так. Платок не она одна носила, в этом не было ничего необычного для их деревни. Порой и внучки, приезжавшие к местным бабушкам, выходили одетыми на местный манер. А уж сами бабушки тем более. Но даже если кто и удивлялся, Катя всегда могла ответить, что у нее траур. В каком-то смысле так оно и было, просто траур был не только по бабушке, но и по ней самой.

— Пусти меня, Катя. Я пришел помочь, а не навредить или поиздеваться, — снова услышала она голос Туманова. И выругалась. Сейчас и правда всех соседей переполошит. Кто-то может и уже уши наострил, какое-никакое, а развлечение. Вставали в деревне всегда очень рано, с первыми петухами. А эти твари уже успели повыть, то есть, конечно, прокукарекать. Но Кате звук, издаваемый петухом, всегда напоминал вой, только противнее. Их даже на суп было не жаль пускать. Хотя рубить головы птице она не любила. Умела, куда без этого, сделать могла, но предпочитала, чтобы этим занимался кто-нибудь другой. Впрочем, того петуха, который Туманов, ей тоже хотелось скорее пустить в суп,

чем домой. Даром, что этим супцом она бы и свиней кормить не решилась.

Катя тихо выругалась. Мало того, что холодно и больно. Мало того, что она скоро сдохнет. Так еще и мысли одолевают исключительно кровожадные, отчего начинает тошнить от самой себя.

— Заходи, только ненадолго, — мрачно прохрипела она, выпуская незванного и ненужного гостя. Вадим прошел в дом, быстро разулся на входном коврике, и поежился. Кожа у него покрылась мурашками и Катя криво улыбнулась про себя. Ну да, неженка городской, у нас всё не по-вашему, у нас еще организовать надо, чтобы было тепло и вода горячая. Впрочем, сама она давно мылась с помощью тазиков и кипятка: водонагреватель у бабушки был, сосед поставил года три назад, но уже не работал. Катя понятия не имела, что с ним не так.

Когда Вадим прошел в дом, она села на зеленое потрепанное кресло недалеко от печки. Предлагать сесть Туманову, конечно, не стала. Она его сюда вообще не звала, а ей стоять тяжело. Так что пусть выкладывает, зачем явился, и катится отсюда ко всем чертям.

— Ну и что тебе нужно, Туманов? — прямо спросила она, глядя на него снизу-вверх. — Мало моей крови попил? Впрок не пошла? Уходи отсюда. Знать не хочу, как ты эту подставу провернул, но одно могу сказать точно: не смешно. Особенно не смешно твоим родителям было тебя хоронить,

полагаю, если уж даже деканша рыдала.

— Катя, я в самом деле пришел извиниться и попробовать... — он замялся, и зябко затоптался на одном месте, обхватив плечи руками. — В общем, мне бы хотелось что-то для тебя сделать. Что-то, что сделает твою жизнь лучше, раз уж я её так долго портил.

Катя хрипло рассмеялась, напоминая самой себе какую-нибудь сказочную ведьму: смех больше всего походил на воронье карканье, причем ворона была очень простужена. В груди разлилась знакомая тянущая боль, и легкие потихоньку начинали тоже гореть огнем.

— Извиниться тебе бы хотелось, — криво усмехнулась она, а Вадим кивнул. — Вину искупить... — Катя хотела было сказать, что поздно что-то искупать.

Что она скоро сдохнет, причем в отличие от самого Туманова, по-настоящему, так что никакие извинения не вернут ей те крохи нормальной жизни, что у нее могли бы быть. Что она его ненавидит в том числе и за то, что у нее почти не осталось светлых воспоминаний из юности «благодаря» одному пожелавшему извиниться ублюдку. Но вдруг подумала: а что она, собственно, теряет? Пускай искупает, или убегает в слезах отсюда, если не тянет. А Туманов почти наверняка не тянет. Хоть поглумится напоследок над зажавшимся мажором, решившим, что ему всё можно.

— Я очень сомневаюсь, что ты реально способен сделать хоть что-то. Такие как ты в жизни ничего тяжелее ручки

не поднимали, — Кате хотелось использовать совсем другое сравнение, но вновь вспомнилась баба Лиза. Вот уж кто не одобрил бы ни мелочной мести, ни брани в её доме. Но отказаться от мата и грубости было проще, чем от желания хоть чем-то этого таракана уязвить.

Вадим не спорил, только посмотрел ей в глаза внимательно-но, явно ожидая, чтобы она быстрее продолжила.

— Но если хочешь что-то там искупать — займись делом. Дров наруби, печь растопи, чтобы дом согрелся. Водонагреватель почини. В общем, иди и доказывай, что не только языком молоть способен. А то прийти в чужой дом, когда не звали, и устроить театр одного актера может любой дурак, — презрительно бросила она, брезгливо поморщившись. На самом деле, от боли тоже, но этот... одноклассничек вызывал такую бурю эмоций, что Кате совершенно не хотелось сдерживаться. — «Ах, я так раскаиваюсь, так раскаиваюсь! Пожалей меня, деревенская девочка!» — глумливо передразнила она «гостя». — Не пожалею. Займись делом или катись отсюда.

Катя откровенно ожидала, что дорогой одноклассничек будет оскорблен в лучших чувствах, обидится и уйдет. Но нет. Он коротко сказал:

— Хорошо, всё сделаю, — и действительно пошел во двор.

Даже топор в дедовом сарае нашел сам, хотя Катя вышла следом и собиралась показать, где и что лежит. Древесину на

дрова всем раз в неделю привозил сосед, имеющий с этого свою копеечку, но вот рубить их каждый раз и перетаскивать, чтобы закинуть в печку, Кате было уже тяжело. Так что она всё чаще предпочитала кутаться в одежду и обходиться без обогрева дома. Тем более, что её и так отчаянно знобило, а на дворе пока осень, не зима. Кто знает, может она до зимы и не доживёт вовсе? Денег тоже оставалось не так много. Да и делать сама она с каждым днём могла всё меньше, так что меняться с соседями ей было просто нечем.

Катя давно перестала думать, что с этим делать. До смерти как-то протянет, а потом ей просто станет все равно. Домик ведь даже наследовать некому — всё отойдет государству. Так что Катя кормила немногочисленных кур и целую одну козу, которая все равно не давала молока — козёл еще в позапрошлом году помер. Катя с бабушкой часть мяса сами съели, часть заготовили впрок, а часть у соседей разменяли на помидоры и груши, которые у них самих не росли. Кто ж знал, что бабушка сгорит так быстро и так внезапно? Знала бы — съездила бы поближе к городу и продала бы. И купила бы на все оставшиеся деньги разных деликатесов. Все одно помирать, так хоть что-то хорошее было бы перед смертью.

На самом деле, конечно, она бы так не сделала. Жить, вопреки всему, очень хотелось. У Кати даже мелькала мысль, что если этот мажор и правда бросится ей помогать, то может... может, у него есть возможность и помочь с лечением тоже? Наверняка он давно признался родне в идиотской вы-

ходке, восстановился в вузе, как-то смотрит в глаза Марфе Васильевне... а сейчас просто пропускает учёбу, и всё. Он же и раньше часто её пропускал!

Катя вернулась обратно в кресло, перестав следить за Тумановым. Брать у нее нечего, а если что и возьмёт — хуже не будет, потому что хуже просто некуда. Но мысли продолжали грызть её изнутри, как и боль. Часть Кати вообще хотела подождать, пока Туманов ни с чем не справится, и выгнать его с позором. Часть — надеялась, что он действительно вознамерился сделать её жизнь лучше, и способен помочь с нормальным лечением. Нужно только его проверить, дать побольше мелких поручений, и если не психанёт...

Решила, что не уйдёт с кресла, пока Туманов не вернется с поражением и не скажет, что он не умеет рубить дрова и чинить всякую ерунду. Ему вряд ли было где этому научиться, за него даже на учёбе работали другие. Он и ей, помнится, как-то предлагал. Но Катя его послала далеко и надолго: делать ей больше нечего, помогать человеку, которого она терпеть не может. Пусть сам учится, как все. Но, как водится, нашлась другая помощница, и даже не одна. И в отличие от менее смазливых однокурсников, он за сделанные рефераты и задачи по праву даже не платил. А на втором курсе ему за красивые глаза вообще сделали курсовую. Курсовую! А теперь вот эта бездна обаяния без материальных проблем явилась к ней домой и чего-то хочет. И мямлит, что для Вадима было вовсе нехарактерно.

Верить в то, что он может помочь, и хотелось, и не хотелось одновременно. В её положении цепляешься за любую надежду, даже если это на самом деле мираж. Но быть потом обязанной человеку, который в универе вел себя так, словно ему всё еще пятнадцать? Главной головной боли, какая у неё там вообще была? Не хотелось. Совсем. Хотя жить хотелось больше. Просто в идеальном мире на помощь пришел бы кто-то нормальный. Кто-то, кому она могла бы искренне обрадоваться хотя бы. А пришло вот это, и будет ли от него не то, что толк... Катя не была уверена, не будет ли от него вреда. Хотя бы морального, коли уж физически ей нынче навредить сложно. Облучить чем-нибудь, чтобы быстрее ушла на тот свет, разве что.

Из безрадостных мыслей Катю вырвало возвращение Туманова... с охапкой дров. Которую он зачем-то притащил ей прямо под ноги, и уселся рядом с ними на пол.

— Надеюсь, тебе это правда нужно, — слабо улыбнулся бывший однокурсник. — Но судя по тому, какой в доме холод... — он задумчиво посмотрел на Катю, потом на дрова, потом хлопнул себя по лбу и с дровами вместе бросился к печке. Катя не двинулась с места. Угорим — и слава богу. Хоть не придется думать, что со всем этим делать.

Катя Скворцова хотя бы годичной давности этим мыслям бы ужаснулась. Современной Кате Скворцовой просто очень хотелось, чтобы жизнь, наконец, перестала быть настолько отвратительной. И еще, чтобы она всё-таки была, а не закон-

чилась. Хотя бы какая-нибудь, но желательно все же без боли и без мерзостного хриплого кашля, который дерёт горло. Если бы кто-то мог читать её мысли, наверняка решил бы, что она безнадёжный нытик. И это Катю тоже раздражало.

Она не была образцовой больной раком, которая не ставит крест на жизни, улыбается и радуется малости. И вряд ли вызвала бы чье-то сочувствие, по крайней мере, ей самой казалось, что не вызвала бы... Однако, Катя даже в бытность здоровой не считала, что тяжелобольные обязаны изображать, что им не больно и не страшно. Хотя силе духа бабушки сейчас отчаянно завидовала.

У Елизаветы Васильевны не случилось ничего неожиданного для женщины на девятом десятке. Её «просто» разбил инсульт. Парализовало всю левую половину тела, а правая почему-то начала очень сильно болеть, особенно в области сердца. И даже в таком состоянии, имея большие сложности с речью, она все равно писала внучке одной рукой в блокноте:

— Не надо меня никуда везти. Моё время настало.

А когда Катя начала горячо возражать вслух, заливая любимую родственницу слезами, дописала чуть ниже:

— Если меня не лечить — я просто уйду. В моем возрасте это нормально.

Но Катя, конечно, её не послушала. Вслух возражала, что врачи хотя бы назначат сильные обезболивающие, чтобы не было так плохо. И не давала бабушке блокнот, чтобы та не

спорила. Говорить было Елизавете Васильевне было не только тяжело, её еще и очень злило, что она говорит неразборчиво, словно пьяная. Алкоголиков бабушка на дух не выносила, и быть похожей на одного из них не желала вовсе.

Тогда Катя была уверена, что с ней самой всё хорошо. Так что она попросила дядю Колю, того самого соседа, что возил дрова, помочь довести бабушку до ближайшей больницы.

Бабушке выписали сильнодействующие препараты, назначили лечение, и около месяца она провела в больнице под настойчивым присмотром врачей. Ей становилось только хуже: она перестала узнавать Катю, которая нашла временное жилье, съемную комнату, и осталась там. А баба Лиза всё больше теряла связь с реальностью.

А потом ей что-то вкололи, и показалось, что Елизавете Васильевне намного лучше. Она даже смогла сама держать ложку левой рукой, как привыкла, хоть та и дрожала очень. Катю начала узнавать и просила отвезти домой. Сбивчиво, неразборчиво, пытаясь размахивать неверной рукой. Даже отказ от претензий подписала, мол, если вдруг что — это я сама решила выписаться, врачи не виноваты.

И Катя, заручившись поддержкой медиков и получив на руки рецептурные препараты, повезла бабу Лизу домой. Как она того и хотела. И у нее даже получилось вернуть бабушку в родные стены, она готова была очень долго за ней ухаживать, продолжать читать вслух книги, как в больнице, кормить перетертым вручную пюре. Что угодно, только бы ба

жила, и ей было легче.

Но родные стены не помогли. Уже через пару дней после возвращения ей снова стало хуже, и на третье утро она просто не проснулась. Тихо ушла во сне: отказало сердце. Зато там, где она хотела — в родном доме, и рядом с Катей, которая сидела на этом же самом кресле, только у постели умирающей, и задремала прям там.

Как она плакала! Как не хотела верить, и даже пыталась вызвать скорую или хотя бы неотложку. Но к ним врачи не ездили. Не их участок, слишком маленькое население. Практически «не положено вам врача, езжайте сначала в деревню поближе к Санкт-Петербургу и побогаче». Но если себе не врать — не было уже к тому времени никакого смысла в том, чтобы вызывать врачей. Бабушка уже не дышала. И если даже можно было что-то сделать сразу, как Катя проснулась, пока она звонила врачам и пока те бы ехали, если бы согласились...

А если совсем-совсем не врать себе, то и она, и бабушка прекрасно понимали, что как-то так всё и кончится. Но Катя все равно не была к этому готова. И не была уверена, что к этому вообще можно быть готовой, хоть обпонимайся, и сколько угодно убеждай себя, что ты точно-точно готов. Не работало это так. Сколь бы правильным ни было тяжелое решение, жить с ним потом все равно тяжело. И с неправильным тяжело, но с неправильным тяжело двоим. А измываться над бабушкиными последними днями Катя не хотела во-

все.

Вдруг послышался нестерпимый грохот откуда-то из отдельно стоящей душевой кабины. Там же был и водонагреватель, и стояли ведра и пара тазиков, так что грохотать было чему. И вопреки всему, Катя почувствовала не злорадство, а беспокойство. А ну свалил на себя сразу оба тазика?! Голова, конечно, ему не очень пригождалась все эти годы, так что сотрясение мозга Туманову не грозит... но думала об этом Катя уже на ходу, быстро семеня в «банную пристройку», как выражалась бабушка.

Глава 5. Сейчас.

Перерождение. Часть 1

Катя мелко задрожала и начала всхлипывать. Вадим оставил машину, и замолчал. Потом посмотрел на нее очень пристально, и тихо сказал:

— Тебе не о чем плакать, Катёнок. Всё хорошо. Уже давно хорошо, намного лучше, чем было бы без Хозяйки Болот. Она помогла мне, очень помогла, и знаешь... я благодарен. Если бы не она — что с нами было бы? Я, быть может, пришел бы на твою могилку лет через пять, когда решился бы найти тебя?

Катя вытерла выступившие слёзы и обернулась к любимому, подтягивая ноги на кресло. Ремни почему-то не мешали, хотя должны были надежно фиксировать. Впрочем, может быть, она просто отстегнулась и не заметила этого, увлеченная таким тяжелым и болезненным рассказом...

— Дело не в болотной ведьме, или кто она там, — показала головой Катя, снова всхлипнув. — Твои родители... это чудовищно! И то, как поступал твой папа, и что мама молчала, и ничего с этим не делала. Ты же её сын, как она могла? Я не понимаю!

Вадим криво усмехнулся, и на мгновение то-тёмное и мрачное, что владело Катей, пока любимый не снял что-то

с её шеи, снова вернулось: ей показалось, что он скалится, как дикий зверь, и вместо зубов у него клыки. И она словно услышала шепот: «Беги...»

Голос был похож на бабушкин, но Елизаветы Васильевны больше не было. Она не могла ни говорить с внучкой, ни помогать ей, это все глупости. Даже если и есть хозяйки болот, творящие странные чудеса, это не значит, что на свете появилась сразу вся жуть и мистика. И не должно значить, иначе... что еще существует? Душа существует точно, раз уж она кому-то нужна. Но бабушка однозначно не могла никому ею отплатить. Катя потеряла глаза, и наваждение исчезло. Не было больше никакого голоса, кроме голоса любимого.

— О, кажется, тебе понравится то, что было дальше, — ответил он. — Хотя, когда я был тупым мелким пацаном, я верил матери. Что у отца просто болезнь была, и теперь его подрихтовали, заштопали ему мозги — и будет нормально. До Хозяйки Болот я вообще был туповат и очень легковверен, знаешь? Она мне как глаза открыла. Дала увидеть мир таким, каков он на самом деле есть, — он чуть облизнул губы и посмотрел Кате в глаза.

— И какой он на самом деле? — спросила она, слегка погладив его по руке. Они больше никуда не ехали, стояли среди невысоких искривленных деревьев и, кажется, всё-таки болота. Или по крайней мере недалеко от болота.

— Жестокий, — Вадим снова усмехнулся. — Либо ты уничтожишь, либо тебя. И действительно близких очень ма-

ло, поэтому их надо ценить и беречь, — он бросил на Катю теплый взгляд. — Весь наш мусор, деньги, связи, законы, правила, так называемые ценности — это просто мишура. Из праха пришло, к праху и обратится. Для мира и того, чем он живёт и является на самом деле — это всё преходящий тлен. А истинно ценны только души. Особенно те души, что готовы за тебя отказаться от всего этого тлена, или те, ради которых ты готов это сделать. И не кровью эти связи скрепляются, хотя кровь и важна. Если собственная кровь тебе враг, то жалеть её не стоит. Да и вообще, — он отодвинул своё кресло, и резко обнял Катю, утыкаясь носом в шею. — Хозяйка Болот подарила мне то, без чего и жизнь не имеет никакого смысла. Теперь всё будет правильно, благодаря тому, что сделала она. Ты такая прекрасная в этом лазуревом платье, а я даже не видел это, разменяв наше счастье на авторитет у стада бабуинов... я был таким глупцом. Но перестал им быть — благодаря ей.

— И что же она сделала? — прошептала Катя на ухо любимому.

— Она даровала мне перерождение, — просто ответил Вадим, и продолжил прерванный рассказ с того места, на котором остановился.

Тварь снова пела. На этот раз как-то до странного весело, у Вадима даже будто кровь вскипела в жилах. Она явно была чем-то очень довольна, потому что он слышал её хихика-

ные постоянно. Слышал звук ладоней, потирающих друг об друга. А еще почему-то пахло ванилью и яблоком, словно кто-то решил внезапно испечь шарлотку. Чуть позже примешался и запах корицы.

Вадим понял, почему этот запах. Катя. Катя Скворцова. И его буквально затопило воспоминаниями об упущенном. О том, как он выбрал не себя и свои чувства, а нечто совершенно другое. О том, как это было, что он тогда думал, что о Кате знал. Его затопило Катей, если так можно выразиться. И последняя разумная мысль, не связанная с этой девчонкой, была: «Но зачем тебе вообще Скворцова, её ведь в сделке не было?..»

Катя говорила, что очень любит шарлотку, но так, как её бабушка печь не умеет никто на всем белом свете. Не ему говорила, конечно. Однокурснице. Но он подслушал и запомнил, а еще приплатил той девчонке, чтобы она разузнала о Кате побольше, а потом послала. И всё ему пересказала, конечно.

Поэтому он знал, какой у Скворцовой любимый цвет — персиковый, как рассвет ранним утром. Знал, что она живёт в общежитии, потому что из живых родственников у неё только бабушка. Отец когда-то «ушел за пивом и не вернулся», а мать угодила в секту, продала квартиру, и «разорвала связи с миром». Может и жива была, может нет, найти её обычному студенту все равно не представлялось возможным. И к отцу он бы никогда не пошел.

Тот скажет матери, мать скажет, что девчонка «не их круга» и опять поведет на смотрины. Точнее, устроит их дома, притаскивая дочерей своих друзей, знакомых, партнеров отца, и черти знают, чьих еще. Совершенно ему неинтересных. И уж тем более они не станут помогать узнать что-то о Кате. Скорее попытаются перевести его в другой универ, чтобы «выбросил из головы какую-то нищенку».

Вадим помнил, что его это не только злило, но и иррационально забавляло. Ведь кем были родители, пока не случились девяностые, и отец не нашел в них себя? Никем они не были. Даже «интеллигенцией» — и то ни разу. Мать работала в универмаге, в «Галантерее», отец и вовсе пахал шофером мусоровоза. Да, благодаря этой грязной работе всё время что-то находил, и у него потому и оказался стартовый капитал, когда ни у кого ничего не было. Однако на элиту ни он, ни она — никак не тянули. И понимали это, совершенно не желая вспоминать о прошлом. Вадиму вообще только бабка и рассказывала, когда он к ней ездил.

Бабка померла слишком рано, чтобы дожить до нормальных денег у отца, и самый расцвет его запоев тоже не застала, но Вадим был уверен: ей бы Катя понравилась. Она всегда говорила, что жениться надо не на деньгах или связях, а на той, кто по сердцу, и кто на сердечное тепло сможет своим ответить. К стыду своему, Вадим не помнил, как её звали. Она так и запомнилась: словами, запахом, мировоззрением, золотистыми блинами, и — да, что уж там — тоже шарлот-

кой, которая хоть и пригорала у нее часто, а все равно была ужасно вкусной.

Вадиму казалось, что и бабушки их могли бы стать подружками, если бы могли познакомиться. Но сам он никак не мог просто взять и начать ухаживать за Катей. Поэтому пытался узнавать о ней всё больше и больше, а еще он не давал никому другому занять её внимание. Хотя была одна девчонка, которая его послала. Она торчала возле Кати, звала её куда-то с собой, сидела рядом на парах...

Вадим ей завидовал, этой девчонке. Соне Коваль. Мало того, что она могла постоянно общаться с Катей, так еще и наглая была до невозможности. У нормальных людей как? Они хотят быть с коллективом, подстраиваются под него, стараются ни с кем не ссориться. А эта девка, когда он пытался ей что-то объяснить...

— Сонечка, — говорил ей Вадим, — Если ты будешь таскаться со Скворцовой, тогда...

— Да плевать я на тебя хотела, Туманов, — фыркала та, даже не давая договорить. — Я здесь просто учусь. Мне плевать глубоко на ваши тараканы и на твою мажорную морду. Что ты мне сделаешь, списать не дашь? Или, о ужас, кто-то из твоих тупых дружков гадость ляпнет? Боюсь-боюсь. Отстань от Катки, недоумок. Мы не в началке, ручкой в спину тыкать понравившуюся девчонку в восемнадцать лет — тупость, достойная вон того чучела, — и показывала ручкой на чучело обезьяны, стоявшее в аудитории в углу.

— Тебе не понравится то, что я сделаю, — угрожал он злым тоном.

— А давай проверим? — фыркала девчонка. И потом орала на весь универ: — Катюююх, на тебя этот недоумок запал и ко мне ревнует!

И он в самом деле ничего не мог ей сделать. Потому что Соне Коваль было плевать, кто и что о ней подумает, и на каждую пущенную сплетню или тычок в бок она отвечала намного обиднее, чем Вадим готов был признаться даже себе. Даже когда по его просьбе Лариса с подругами попробовала было зажать Соню в раздевалке, та просто... поставила Ларисе фингал. Вообще не размениваясь на всех остальных. И сказала:

— Еще раз сунешься ко мне — я твоему отцу расскажу, что ты за хренью маешься. А он с моим каждую пятницу заседает, между прочим. Тебе точно надо? Если надо — я устрою, за мной не заржавеет, — и рассмеялась, хотя сама тоже была вся в синяках. Чтобы её это еще хоть как-то задевало. Как будто и не было синяков на руках, выдернутых волос, попорченных вещей. Ничего её не трогало. А вот она сама хорошо умела трогать тех, кто ей не нравился.

Так что Лариса полностью отказалась от любых наездов на Соню. А Соня продолжила торчать возле Скворцовой, и, наверное, так и мешалась бы под ногами, но и на неё нашлась управа. Никак не связанная с самим Вадимом, к его вящему огорчению. Просто отец слёг в больницу, и Соня тут же взяла

академ, чтобы за ним ухаживать. Её никто не просил, более того: мать была против.

Но она что в универе никого не спрашивала, что родителей поставила перед фактом. Потом вернулась, но уже не на их поток. Незадолго до того, как Вадим умер. И, кажется, не успела восстановить отношения с Катей. Пока отец болел — ей было не до универских приятельниц, это он знал точно. Но Соня Коваль запала ему в душу. Не как Катя — чистое, светлое, бескорыстное создание со смехом-колокольчиком. Как заноза в правой ягодице скорее. Человек, который счёл себя умнее и сильнее его самого, и даже посмел это доказать.

Вадима внезапно вырвало из воспоминания скрежетание знакомого голоса:

— Ты не отвлекайся, кровинушка! Мсть и злость мы пока приглушим...

И он снова окунулся в запах шарлотки. Только теперь это были эпизоды, когда они сталкивалась, а Скворцова ничего не замечала. Она вообще была очень наивная, его Катёнок. Он всегда называл её так про себя. Потому что напоминала беспризорного, неприкаянного котёнка, который ищет, к кому бы приткнуться, и об кого бы потереться блохастой пушистой мордочкой.

Вадим помнил тот редкий миг, когда Скворцова от него не шарахалась и на него не рычала. Как раз связанный с кошками. Они тогда случайно столкнулись. Не в универе даже, по дороге. Она стояла посреди тротуара, косилась на много-

этажки, стройными рядами возвышавшиеся вдалеке, и была какая-то сама не своя. А в руках держала коробку из-под обуви.

Подойдя чуть ближе, он услышал тихий писк. Но как только Скворцова увидела свой вечный источник неприятностей — прижала коробку к груди и воскликнула:

— Не смей ко мне подходить!

И, словно испугавшись за себя и свою временную хозяйку, запищали и котята. В том, что в коробке именно они, никаких сомнений у Вадима не возникало с самого начала, а после этих звуков он даже смог примерно прикинуть, сколько их. Трое или четверо. Но на мгновение стало как-то совсем неуютно, захотелось спрятаться от решительного взгляда карих глаз. Но он лишь сказал:

— Что я, совсем что ли ку-ку? Не буду я ничего котяткам делать. Но что ты с ними сама собралась делать, Скворцова? В общагу тебя с ними не пустят, комендатша выгонит.

Он поднял руки вверх, и постарался улыбнуться как-то более-менее дружелюбно. Ну не считает же она его совсем извергом, а? Но как оказалось, считала, потому что отошла на несколько шагов и прошипела:

— Так я тебе и поверила. Думаешь, дам над ними издеваться, да? Не дам! И с комендантшей что-нибудь придумаю! Иди куда шёл, пока тебя Лариска к ноге не позвала, — и ощерилась вся, сама похожа на шипящую кошку, готовую броситься на защиту своих пушистых детей.

Точно Катёнок. Он улыбнулся, и отошёл от неё еще на несколько шагов, держа раскрытые ладони прямо перед собой. Потом спокойно проговорил:

— Слушай, Скворцова, я вообще-то тоже кошатник. Вырос с кошками. Сейчас у матери аллергия вылезла, ей нельзя, поэтому у нас никого и нет. Нашу Рысю отдали двоюродной тетке, она теперь у неё как сыр в масле катается, я езжу, навещаю. Так что ничего я твоим мелким не сделаю. Их в клинику везти надо, осматривать, от блох обрабатывать, глистогонить, может вообще с пипетки выкармливать, если совсем мелкие. Тебе негде.

Катя чуть свободнее встала, и как будто выдохнула. Но потом поправила шапку, лезущую в глаза, левой рукой — правой прижимала к груди коробку с пушистыми. Сощурилась, посмотрела ему прямо в глаза — показалось даже, что у неё зрачки вот-вот станут вертикальными — и начала закидывать его вопросами:

— Как кошка выглядит? Сколько ей лет сейчас? Чем болела?

Вадим рассмеялся. Не верит, надо же. Какая у него потрясающая репутация среди этой конкретной студентки, даром, что он бы хотел с ней встречаться. Но бодро отрапортовал:

— Сибирская кошка самого распространенного «лесного» окраса она. Разноцветная в черную полоску. Глаза зеленые, мордочка белая, нос наглый и кирпично-красный. Ей семь сейчас. У нас ничем особо не болела, разве что одно время с

лотком проблемы были, но ей просто место неудачное оказалось, не надо было матери слушать соседку и ставить лоток в туалет. Я прошел твой кошачий экзамен, или ты так и будешь мелких морозить стоять? — он кивнул в сторону коробки. Не зима, конечно, но все равно холодно. В этом Вадим был совершенно искренним, как ни смешно ему было вспоминать об этом под чарами.

— Проще, — буркнула Катя себе под нос. — Ну хорошо, твои идеи?

— Да чего идеи. Нафиг универ, поехали в ветку, я знаю нормальную. И не смотри на меня так, — а Катёнок даже рот при открыла, и, казалось, вот-вот уронит коробку. — Что им,дохнуть тут, потому что ты мне не нравишься? Хватит из меня чучело какое-то злобное лепить.

Она только кивнула. Потом запнулась. И тихо спросила:

— И что скажут, если мы вдвоем не придём на пары?

— Ничего не скажут, — он усмехнулся. — Я приду на третью или вторую, ты не придешь совсем. Или наоборот. Даже не свяжут. А мне не надо, чтоб меня с тобой связывали, Скворцова, так что... будь спокойна, все будут молчать, как партизаны на допросе. Еще вопросы?

Она снова прижала котят к себе обеими руками, и спросила:

— И куда мы едем? А главное, как? Машины у тебя не вижу.

Но в отличие от неё, у него мобильный телефон при себе

был. Ужасно удобная штука, и почему Скворцова без него ходила? Может, связь дороговата была для неё, конечно. Для многих так, он слышал. И поэтому пока он мог наслаждаться своего рода избранностью, и ничуть этого не стыдился. Наоборот. Радостно набрал номер службы такси, назвал своё имя — его там знали, как и его отца. Объяснил, как их найти, и предложил, положив трубку:

— Минут через пятнадцать за нами приедут, и отвезут сразу в клинику. Но пока они мерзнут. Передай коробку мне, я сниму шарф и пальто, укутаем мелких. Насколько они малыцы вообще, дай посмотреть?

Катя растерянно кивнула. Кажется, тот факт, что ему ничто человеческое не чуждо, её шокировал. Даже притихла вся, спорить перестала, возмущаться тоже. Практически магия. Он осторожно забрал из изрядно замерзших рук однокурсницы картонную коробку с котятами, и те запищали. Вадим сунул нос в коробку, слегка приоткрыв, и мрачно выругался себе под нос.

Котят было трое. И это были не совсем малявки, им месяца два или три на вид было. Один рыженький, один полосатый, и третий — черно-белый. Он почему-то был уверен, что черно-белая — девочка. Забрал бы, ей-богу, если бы не дурацкая мамкина аллергия. Ну или если бы они с отцом оплатили ему съём квартиры. Мать не хотела категорически, что его страшно бесило. Когда надо было — орала только, а теперь в ней курица-наседка проснулась.

Но это какая ж падла их выкинула! Доростили, поигрались, потискались, а потом на помойку, пусть замерзают. Нормальные вообще, хоть немного?! Кажется, эмоции отразились на лице, потому что Скворцова вздрогнула.

— Ты чего? — хрипло спросила Катя.

— Чего-чего... Пидор их какой-то выкинул, вот чего, — мрачно отозвался Вадим. Где там то такси?

— Это понятно, кто ж нормальный котов выкидывает, — проворчала Катя согласно. — Что тебя так удивило-то? Постоянно выкидывают. Или из окон такси не видно?

— Ничего ты не шаришь, Скворцова, — фыркнул он. — Это не новорожденные. Он поигрался, вырастил, и выбросил. Или она. Не просто сразу, потому что не нужны, а специально подождал. Может, дети игрались, или еще чего. Нормально вообще? — такие люди Вадима бесили, как ни странно. Котов ему вообще всегда было жальче, чем людей. Люди сами себе устраивают неприятности, сами управляют своей жизнью. А вот эти чего? Они ни на что не влияют, только и могут сидеть в коробке и пищать.

Катя вздохнула и молча посмотрела на него со странным выражением лица. Потом заметила:

— Только выкини они новорожденных, они бы до нас не дожили. Умерли бы от голода и холода, и выбросил бы их дворник, как мусор. Так что пусть уж лучше от подрошенных избавляются — их хоть спасти можно.

Вадим не нашелся, что ответить. Сложно спорить, когда

оба по-своему правы. Так и ждали такси молча, а когда машина приехала, он забрал у Скворцовой коробку, и сел на заднее сиденье. Девчонок часто укачивает, а впереди с этим бороться удобнее. Мать всегда вперед садилась, говорила, иначе тошнит сильно. Катя не спорила и даже снова вернула ему коробку, осторожно-осторожно, как величайшее сокровище. Когда он их укрыл, она сразу забрала обратно, а тут вернула.

Водитель попытался было возбухать, что коробку надо в багажник поставить, но наткнулся на очень мрачный взгляд пассажира и почему-то замолк. Впрочем, когда они выходили из машины, Вадим сунул ему лишнюю купюру — за беспокойство, так что расстались они в целом в ровных чувствах друг от друга.

А потом была клиника, осмотры, оплаты, и боги знают, что еще. Проторчали они со Скворцовой в ветеринарке часа три, не меньше. И с каждым мгновением, проведенным там, её взгляд теплел, и она становилась какая-то совсем другая. Более родная, более близкая. Пока ждали, когда освободится терапевт, даже сказала:

— Надо же, Туманов, ничто человеческое тебе и правда не чуждо. Никогда бы не подумала, что ты настолько любишь котиков. А что потом с ними делать будем? Им ведь надо где-то жить.

Они сидели рядом на диванчике для посетителей, в будний день клиника была почти пуста, только в углу рядом с

аквариумом с единственной золотой рыбкой, смирно сидел и дремал белый с коричневым пятном лабрадор. Молодой лохматый парень в капюшоне, видимо, хозяин, дремал с ним рядом и периодически поглаживал по голове, шепча собаке что-то успокаивающее.

— А потом я их отвезу одной моей знакомой. Она волонтерит, помнишь, я в машине разговаривал — это я с ней созванивался. Согласилась принять наших страдальцев, если я сам буду пристраивать. Надо будет подумать, кому предложить, что сказать, кто нормально отнесется, но я органирую. Главное, чтоб щас врач не сказал, что они чем-то заразным болеют. Но не должны бы — мелкота от домашней явно кошки, это даже я вижу, — ответил Вадим.

— Домашние кошки всякие бывают, — заметила Катя. — Не обо всех заботятся и берегут, не все вообще понимают, что животные — живые.

— И от меня ты такого не ожидала, я в курсе, — усмехнулся он.

Катя пожала плечами, и, наверное, в сотый раз посмотрела на маленьких обитателей коробки. На удивление, всё ещё совершенно сухой. Закрадывалось подозрение, что кто-то из спешащих по своим делам прохожих, проходивших мимо них, пока ждали такси, мог бы быть виновником появления котят на улице. Потому что они не успели ни использовать свою коробку как лоток, ни намочнуть от моросящего осеннего дождя, что периодически то начинался, то закан-

чивался. Зато Катин взгляд всё теплел, и теплел.

Еще раз он потеплел, когда пришла молодая улыбчивая женщина — ветеринар. И спросила:

— Это вы к нам с котятами? Как зовут?

А Вадим неожиданно ответил:

— Рыжий — Осень, Сенька, полосатый — Оскар, а черно-белую девочку я Бандиткой назвал. Так и запишите.

Катя хихикнула. Словно только в этот момент до конца поверила, что ему правда нравятся котики, и он не просто так сюда приехал. Должно было быть обидно, но... по большому счету, кто тут виноват? Сам и виноват. Это буквально эхом проскальзывало сквозь реальность воспоминания, хотя тогда Вадим так, конечно, не думал. Просто чувствовал тоску и раздражение, потому что девчонка ему нравилась, но уродилась совсем не того круга. И никому бы не понравилась, кроме него.

Вадиму не хотелось терять. Уважение отца, и его деньги. Квартиру, которую отец обещал подарить на свадьбу. Машины за окончание учёбы. Друзей, которые перестали бы с ним общаться, если бы он связался с лохушкой, как они обычно звали Катёнка между собой. Но здесь и сейчас он не делал ничего плохого, и имел право на свою маленькую дозу восхищения и улыбок треклятой девчонки. Вряд ли она ему улыбнётся в универе хоть раз. А здесь — могла.

И улыбалась, пока котят осматривали, трогали им животики, проверяли ушки и глазки. И самое восхитительное —

когда ассистентка принесла врачу шприцы, чтобы взять у малышей кровь на анализ, Катя нервно вцепилась ему в предплечье левой руки и спросила, заглядывая в глаза:

— А это им точно не опасно?

И вид у нее в этот момент был такой... умильный. Глаза большие, щеки разрумянились, рот приоткрыла, и нависла над ним. Будь у Кати декольте, открывался бы очень интересный вид, но Катёнок была та еще скромница. И в универ являлась исключительно при параде — в хорошо отглаженном закрытом брючном костюме, под которым даже рубашки не увидеть было: только бесконечные пуговицы на серой ткани.

Как в футляр пряталась. Впрочем, скорее всего и правда пряталась, чтобы шутили меньше. Не помогало: он всё ещё надеялся, что Скворцова переведется куда-нибудь и перестанет мозолить ему глаза, поэтому шуточки придумывал сам и следил за тем, чтобы они распространялись быстро.

А она даже не ревела, зараза эдакая. Огрызалась, шушукалась со своей Коваль, его избегала, но ни одной слезинки так и не пролила. И уж тем более не собиралась никуда переводиться и избавлять его от своих пушистых ресниц и полных губ. Катю хотелось трогать. Даже в ветклинике. Но вместо того, чтобы её успокоить, Вадим сказал:

— Скворцова, убери от меня руки, а? — и теплая маленькая ладошка тут же исчезла, а девчонка отскочила, как ошпаренная. — Ничего с ними не будет, возьмут кровь на анализ,

чтобы понять, не болеют ли чем. Тут годная клиника, самые новые анализы есть, вирусню не пропустят. И моя знакомая пристраивать этих заморышей не возьмется, если без них. Понятно?

Катя кивнула, и до самого конца приёма сидела молча. А он думал, что дурак. Потому что Скворцова снова смотрела волком, не улыбалась, и больше не пыталась его потрогать или что-то спросить. Словно вспомнила, кто перед ней. Хотя, почему «словно»? Правда вспомнила, она просто забылась, из-за непривычной обстановки. Нельзя ей давать забываться слишком сильно.

Только когда им вернули котят, посадив тех вместо коробки в пластиковую переноску, Скворцова снова решилась подать голос:

— А пока твоя знакомая не примет, куда ты их? Я бы взяла, но мне некуда...

Вадим расплатился с администратором клиники, отдав почти всю наличку, какая у него была на этот месяц. Отцу расскажет, куда продолбал, тот ржать будет. И не поверит. Надо ему будет мелких сфотографировать, пусть привыкает, что сын иногда делает что-то полезное. Хотя бы и котам.

— Я в курсе, мы ж с этого и начали, — фыркнул он. — Отвезу на квартиру кое-кому. Он против не будет, и я сам пока там поживу. С мелкими вместе, их же кормить надо, это я дурище не доверю. Надеюсь, сейчас ты их от меня защищать не будешь?

— Не буду. Ты не для того такие деньги отдал, чтобы им вредить, — логично заметила. — Не меня же ты тут впечатлять решил, явно правда пожалел их. Буду теперь знать, что ты не совсем... — она запнулась и отвела взгляд, после чего начала нервно накручивать прядь волос на палец. Вадим решил благородно игнорировать оговорку. И не думать о том, что хотел бы на самом деле её впечатлить, только что ему потом с этим делать?

— Езжай в универ. Сорян, на такси у меня уже не осталось, но отсюда автобус идёт. Придумай что-нибудь правдоподобное, почему опоздала. А я завтра приду. Может быть. И... Скворцова? — он очень внимательно посмотрел на нее, и девушка поежилась, даже как будто попыталась укутаться в свой дурацкий пиджак поплотнее.

— Да? — дрожащим голосом уточнила Катя, соблазнительно закусив губу. Вряд ли она понимала, как это для него выглядит. Но ему нравилось.

— Чтоб ни звуком, ни писком не выдала, где была, и что я с тобой был, — жестким тоном закончил он. — Иначе тебе очень не понравится, что будет. И с твоей Коваль тоже. Поняла?

Глаза девчонки подозрительно заблестели, и она часто закивала. Вадим ощутил, как внутри что-то мрачно ворочается, и даже внутренности как будто стянуло в узел. «Совесть — когтистый зверь, скребущий сердце» — некстати вспомнилось из школьных уроков литературы. Но Вадим, конечно,

не стал слушать дохлых поэтов, и потребовал:

— Повтори, Скворцова. Что я сказал? — он смотрел девчонке в глаза, и та походила на олененка из старого мультфильма, а не на взрослую девушку, его однокурсницу. Словно он хищник и вот-вот её сожрет. «Зверь» стал настойчивее, у Вадима противно заныли виски, но это он тоже привычно проигнорировал, только добавил:

— Ну? Я не слышу!

— Я не должна выдавать, что была с тобой в ветклинике и мы вместе лечили котят, — повторила она раздраженно, хотя он мог бы поклясться, что она чувствует совсем не раздражение. — Только подумаешь, что ты не совсем мудель, Туманов, как ты опять за своё. Правильно тебя Сонька зовёт пуделем облезлым. Они тоже внешне милые, хозяев любят, но характер паскудный. Только ты не хозяев, а котят. Не скажу я ничего, больно оно мне надо. Мне самой не нравится мысль, что кто-то узнает. Доволен?

— Вполне. И не подлизывайся, милый я ей еще, — он против воли почти широко улыбнулся, но девчонка этого уже не увидела. Едва услышав его «вполне», она развернулась и гордо пошагала куда-то. Вадим предполагал, что в сторону остановки. И очень надеялся, что она не заблудится. Надо же. Скворцова считает его симпатичным, даже «милым». Сказать кому — не поверят. Он и сам не верил.

Но даже пока он устраивал котят, договаривался с бывшей, что пока поживёт у неё, объяснял отцу, куда он делся

сам, и куда делись его деньги на карман, слушал возмущение матери... он всё равно улыбался. Скворцова назвала его милым! Пусть и пуделем. А потом всё пошло наперекосяк.

Глава 6. Сейчас.

Перерождение. Часть 2

Он вынырнул из воспоминания, ведомый голосом болотного монстра, который схватил его и «преобразал»:

— Вот это мы оставляем, это нам нужно. Но не только это, а, миленький? Ты ведь виноват перед ней, правда? Ты очень плохой мальчик, и твоя девочка не просто так тебя ненавидит, правда? Заслужил каждую кроху её злости, каждую злую слезинку на пухленькой щечке, не так ли?

Что-то тварь с ним всё-таки уже сделала, потому что Вадим больше не ощущал себя бесплотным ничем, глиной, которую формуют руки мастера. Он чувствовал боль, особенно там, где должно быть сердце, чувствовал необъяснимую тоску по чему-то навсегда утраченному. И самое главное, хотя он всё ещё ничего не видел, он уже мог спросить:

— Разве она плакала из-за меня? — и собственный голос показался ему чужим и каким-то... жалким. Он сам сейчас пищал тихо и хрипло, что тот котёнок. Только явно не был настолько милым и вряд ли вызвал бы особое сочувствие, увидь его сейчас кто-то из старых знакомых.

— А то как же! Устроил девочке ад на земле, портил жизнь, пытался выжить с учёбы, а потом удивляется, что она плакала, — довольно проскрежетала невидимая им сущ-

ность. — Не при тебе ж ей плакать, ты ей враг был, а не друг и не возлюбленный, — она хихикнула. — Ах, молодость, молодость! Одного такого молодчика, вроде тебя, я в жертву принесла старым богам. Живой был до самого конца обряда, орал хорошо, громко. Я и воспоминания его забрала. То же уверен был, что я ему нужна, но семья не допустит, «вырвать из сердца» пытался. Времена идут, а ничего не меняется. Мужчинки как думали, что ради своих страстишек могут творить, что вздумается, так и творят. И по-прежнему называют это любовью, — теперь Вадим не сомневался, что это и правда ведьма, и когда-то она была человеком. А она мстительно добавила: — А меж тем жертвы такой любви больше всего мечтают кровь им пустить и глаза выколоть заживо!

— Катя не такая! Она не тёмная тварь, или что ты вообще такое, она человек! Нормальные люди ничего такого другим не хотят! — Вадиму казалось, что он восклицает, кричит от всей души, но на самом деле он лишь что-то недовольно пищал, уже даже не как котёнок, а как какая-то глупая мышь. Где-то на задворках сознания мелькнула дурацкая мысль: «Словно понизили в звании».

— Ой ли? — подозрительно ласково спросил голос «твари». — Даже наказывать тебя пока не буду, миленький, хотя свою Хозяйку Болот уважать надо. Просто покажу. Сам посмотришь, сам в её шкуре побываешь, себя со стороны увидишь, и не только себя. Тебе понравится, обещаю! — существо даже почти не скрежетало, а фраза звучала настолько

радостно, что Вадим понял: на самом деле ему очень, очень, очень не понравится. — Смотри, мой сладенький. Смотри, почувствуй, понимай. Твоя перековка не закончена. Ты еще не можешь многого. Но сможешь. Когда пройдешь всё, что надо — сможешь, — последняя фраза прозвучала очень тихо, вопреки обыкновению существа.

И Вадим действительно провалился в воспоминание. Своё и не своё одновременно. Он как будто видел всё одновременно и как помнил сам, и чужими глазами. И откуда ведьма, или что она там такое, откуда это сказочное чудовище вообще могло всё это знать — он не понимал. И очень хотел бы верить, что ему просто врут. Но как в это верить, когда ты сам переживаешь всё то, что уготовил другой?

Катя вернулась в универ после ветклиники, как он и сказал, к третьей паре. И в тот день всё прошло спокойно. Она сказала деканше, что плохо себя чувствовала утром, кажется, чем-то отравилась. Но как только ей стало лучше, сразу поехала на пары. И поскольку она никогда не пропускала без уважительной причины, ей выговорили только за то, что она вообще пришла, раз так. Лежала бы в комнате и отдыхала, пока соседки все на парах, зачем себя мучить. Но Катя только неловко улыбнулась, и уверила, что сейчас всё правда уже хорошо.

Вадим раньше понятия не имел, как именно она оправдывалась за отсутствие. А теперь не только знал, но и чувствовал её стыд и неловкость. Скворцова очень не любила врать,

это он знал. И эта, вполне мирная картинка правда была... он верил, что так всё и было. Но чем более правдоподобным было видение, тем хуже становилось Вадиму.

Не физически — физически его почти не существовало в этот миг, только какие-то ошметки, переработанные и исправленные, видимо, магией. Но где-то в самом его существовании. Потому что он ведь на самом деле всё понимал... а теперь у него не было возможности закрыть глаза и не увидеть. Вадим страшился этого больше, чем повторения аварии или начала странного обряда. Смотреть себе в глаза оказалось куда ужаснее, чем умирать.

А воспоминание продолжало разворачиваться, и вот он уже утонул в нём, не в силах выделить свою личность-существо, просто проживал его так, словно всё происходило с ним самим и прямо сейчас.

Самое страшное случилось на следующий день после копыт. Едва Катя показалась в атриуме вуза, к ней выбежала Лариса во главе со своей стаей. Лара выглядела странно. Светлые волосы, обычно уложенные волосок к волоску, вскоплены, словно она постоянно их ворошила рукой и превратила причёску в воронье гнездо. Тушь и розовая помада размазаны небрежно, отчего она похожа на раскрашенную панду. И подтеки по щекам, на которых нет обычного румянца. Наоборот, Лариса была до странного бледна, и смотрела на Катю так, словно сейчас сожрёт.

Даже оделась она не так, как всегда. Накинула обычную

для неё светлую рубашку, но первая пуговица не была кокетливо расстегнута, а юбку до середины бедра не удерживал лакированный поясок. И стояла Лара в кедах, а не в туфельках на каблуках, хотя такое на памяти Вадима позволяла себе очень редко. И едва увидев Катёнка, как всегда бредущего вперед в своих мыслях, и как всегда укутанного в костюм-футляр, зашипела:

— Что ты делала с моим Вадимкой, тварь?!

Она как будто визжала шёпотом, настолько истеричная интонация врезалась в голос, но при этом её слышала только Катя и подружки самой Ларисы, а не все, кто входил и выходил. Катя промолчала, даже, казалось, вообще не заметила, что обращаются к ней. Тогда Лариса завизжала в полный голос:

— Я тебя спрашиваю, моль бледная, что ты с ним делала?! Тебе кто разрешал вообще к нему приближаться, а, сука?!

И три её подружки начали окружать Скворцову, вытесняя её из атриума на выход. Вроде бы и незаметно, но ощутимо. Та посмотрела на них прямым взглядом, и Вадиму не показалось, что она испугана или расстроена. Не показалось бы, если бы он не чувствовал, как бешено бьется катино сердце, как потеют маленькие ладони, дрожат губы. Да и глаза у неё жгло в этот момент, просто Катя держалась. Сразу закрадывалась мысль: а как часто она так держалась? Сколько раз он просто не посмотрел ей в глаза, и не увидел, что они на мокром месте?

В горле у неё застрял ком, в голове крутился ворох мыслей в духе «за что мне это, что я вам всем плохого сделала вообще», но вопреки этому «фону» повела она себя совершенно иначе. Медленно развернулась, прислонилась к дверному косяку, слегка разведя руки, по сути встала прямо на пороге, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, и сказала:

— Лариса, если твой парень тебе изменяет — я здесь совершенно не при чем. Меня он терпеть не может. Дай пройти, я на пару опаздываю. И ты, кстати, тоже, — тон был совершенно ровный, и, если бы Вадим сейчас не чувствовал её, как самого себя, он решил бы, что Лариса и её подружки совершенно Катю не задевают. А она, как оказалось, просто очень хорошо владела собой. Она так умеет? Она так делала? Как часто? Вопросов у него было теперь очень много, но некому было их задать. А драма продолжала разворачиваться, и от того, что Вадим уже знал, чем она кончится, было только хуже.

— Тебя Лера видела, так что хватит отпираться, хуже будет, — подала голос одна из подружек, чьё имя Вадим не помнил, брюнетка с каре и большой грудью. — В ветклинике. Она там ассистентка ветеринара.

Вадим ждал, что девчонка начнет оправдываться. Мямлить. Или на самом деле расскажет, что было и почему. Но как оказалось, он совсем её не знал. Хотя мысли Катёнка пребывали в полнейшем смятении, и она даже немного дрожала, незаметно глазу, но он теперь чувствовал, что её зно-

бит, ответила она... совсем, совсем не так, как он представлял.

— Мм, ну конечно, я мечтаю просто трахнуть Туманова на стуле в ветклинике. Фетиш у меня такой, седлать парней, которые портят мне жизнь, в публичных местах, — и губы изогнула в усмешке, а руки сложила на груди, глядя на Ларису сверху вниз.

Откуда только силы взялись? С ним она вела себя не так. И хотя он теперь прекрасно знал, чего девчонке это стоит, но говорила она громко, с выражением, и не отводила взгляд. Так что вместо того, чтобы покорно отойти с ними в сторонку, где недовольные девицы точно пересчитали бы ей ребра, Катя начала привлекать внимание, причем не к себе. Левая от Ларисы подружка, кукольная блондинка Ника — эту он помнил, потому что она часто делала за него лабы — тихо шепнула:

— Лар, пойдём. Она от нас никуда не убежит.

И Лариса, действительно, развернулась, напоследок всё же бросив:

— Я тебе это так не оставлю, стерва.

А Катя глумливо улыбнулась и помахала ей рукой:

— Пока-пока, девочки-припевочки, — а потом как будто бы себе под нос, чтобы они не слышали, добавила: — Я бы вам тоже изменяла, мало того, что тупы как дерево, так еще и страшны как смертный грех... и не поймёшь, какая страшнее!

Ларису перекосило так, словно она только что съела лимон целиком и без сахара, а Скворцова уже победной походкой дефилировала в кабинет. Вадим неожиданно понял, что не только он виноват в том, что случилось потом. Кате нравилось, когда получалось разозлить кого-то из его «свиты», и в этот раз она задела своих «противниц» за живое, хотя ничего такого не сказала. Но они и правда тайно соперничали на тему того, кто из них на самом деле красивее, и много красились.

А потом он увидел, как Скворцова уходит в женский туалет, запирается в кабинке, и просто беззвучно плачет. По лицу текли слёзы, она их не трогала, и не терла щеки. И теперь он знал, что она думала: «Потом умыться холодной водой, не касаясь лица, промокнуть салфетками. И вроде как ничего. Как же меня всё достало... ба, я выучусь. Всем назло. Не уйду. Всё будет хорошо, ба».

Когда вода просохла, Катя подошла к зеркалу, и несколько раз улыбнулась. Первая улыбка была кривой, и по ней было совершенно ясно, что у девчонки что-то не в порядке. Вторая — слишком безумной. А на третий раз она совсем слегка улыбнулась, лишь уголками губ, от чего казалась совершенно спокойной, даже умиротворенной.

На какие-то мгновения она стояла перед зеркалом, запоминая это выражение лица, а потом резко развернулась и практически армейским шагом быстро пошла прямо по коридору. Преподаватель еще даже не успел прийти, так что она спо-

койно заняла удобное свободное место во втором ряду слева, подальше от Ларисы. И, хотя та прожигала спину Скворцовой недовольным взглядом, больше ничего не случилось.

Не случилось и на второй паре. Они успешно сдали лабы, Катёнок расслабилась, и отошла в туалет. Уже не для того, чтобы плакать, просто отошла. И уже на пороге споткнулась о выставленную вперед копытную ногу той самой Ники, которая говорила, что она никуда не убежит. Каблучищи у блонди были такими, что кроме как копытами Вадим бы их никак не назвал. И Скворцова, естественно, упала. Она в очередной раз утопала в своих мыслях, и даже не думала, что ей может что-то угрожать. Так что не успела сгруппироваться или удержать равновесие. Так и ударилась коленями о кафель порога, тихо вскрикнув.

Две другие девицы, пока никто лишний не вошёл, на удивление резво втащили Катю в женский туалет, а Ника встала на стрёме. Одно дело знать о последствиях, которые были у Скворцовой после той ветклиники, а другое — лично видеть. Он вдруг понял, что где-то внутри как будто не до конца верил, что девчонки, и тем более его Лара, могли такое сотворить. Да еще и из ревности, и за какие-то слова. То есть, не потому, что, Катя правда сделала что-то серьёзное, а просто за какие-то мелочи. Что куда-то сходила с ним, пусть и в ветеринарку, что не стала молча обтекать, а наоборот, огрызнулась. Не первый раз огрызнулась, скорее всего, но это же не повод...

На Вадима чем дальше, тем больше обрушивалось понимание. А это и не был бы повод, если бы он не поддерживал такие настроения на потоке. Если бы не раздувал значимость Ларисы, если бы не продолжал пытаться выжить Катю из универа, чтобы та вернулась в свою деревню или хотя бы просто скрылась с глаз долой. Это всё последствия его решений. Не напрямую, да.

Но если бы он сам разбирался со своими чувствами — вот этого бы просто не было. Скворцова максимум отъязвилась бы, и от нее бы отстали. Была бы как вторая Коваль. Ту никто не трогал. И эту бы... тоже. Но уже потрогали, это же всего лишь память. Пусть и настолько яркая, что кажется: руку протяни — и почувствуешь под ладонями мягкие волосы Катёнка, и сможешь оттолкнуть ошалевших от безнаказанности мажорок. Но он не мог. Мог только смотреть на представление, которому сам был режиссёром, дальше.

Тихомирова пнула Катю ногой в живот, и прошипела:

— Ну чо, теперь не такая смелая, а? Нахера ты к нему лезла, нищенка подзаборная?

Скворцова попыталась подняться, но две девицы тут же пихнули её обратно. Сердце девчонки колотилось так, что она слышала его в ушах, сама Катя заметно дрожала, но даже теперь она не вела себя так, как обычно ведут себя жертвы. Также презрительно, как и утром, сказала:

— Втроём на одну? Сильны. Иди нахер, сука, — и тон снова был ровным.

Вадим не понимал, почему она просто не ответит. Зачем еще больше провоцирует, она же не может им нормально дать сдачи. Катя вообще не дралась, у неё даже от физры освобождение было, по здоровью. Куда её... вот это? Зачем этот героизм?! Поплакала бы, пообещала к нему никогда не подходить — сама же и не хотела ведь, может быть, ничего бы ей и не было. А она наоборот. Провоцировала. При том, что он точно знал: боится, дрожит. Едва не плачет. И все равно посылает Ларису.

Той это тоже не понравилось, но не так, как ему. Она крикнула:

— Оль, ты говорила, в третьей кабинке кто-то менструйки не спустил? Вот туда эту и окунём!

— Нет, ну это же перебор, — тихо заметила Ника со своего места. — Мы же не в школе, в конце концов, взрослые люди почти...

— А ты на её место хочешь, Никушка? — мрачно поинтересовалась Лариса. — Пусть перестает из себя что-то корчить, я может и подobreю.

«Хорошая идиотка, плохая идиотка... на полицейских как-то не тянут», — отстраненно подумала Катя в этот момент. А потом резко рванула Ларису на себя, и та тоже ударилась о кафедру. Сил у Скворцовой и правда было маловато, но Тихомирова не ожидала, и поэтому свалилась. А уже на полу Катя вцепилась обидчице в волосы, что-то неразборчиво шипя. И если до этого её, кажется, просто пугали, то те-

перь все три подружки Ларисы как будто кровь почуяли — тем более, что Скворцова рассекла Ларисе бровь, кажется, банально оцарапав. И две из них действительно подхватили девчонку, волоком потащив в сторону той самой кабинки. Третья — снова Ника — помогла подняться Ларисе.

Катя отбивалась, как могла. Ногами, руками, дергалась, но «телохранительницы» были спортсменками, и занимались плаванием, а она даже на физру не ходила. Шансов у Скворцовой практически не было. И всё же она умудрилась уку- сить левую от себя девицу, Ольгу, за запястье, удачно извер- нувшись, и почти вырвалась. Хотела было завизжать, но в этот самый момент вторая за волосы окунула её в мутную грязновато-красную жидкость. Когда Скворцову достали — всего через несколько секунд — на неё было жалко смотреть.

Вся в подтёках, костюм испачкан, на лице — гримаса от- вращения, из глаз бесконтрольно текут слёзы, но она всё рав- но упрямо смотрела Ларисе в глаза. А когда та повторила вопрос, что она делала с Вадимом вместе, Скворцова снова процедила:

— Да пошла ты!

И её снова окунули. Наверное, это продолжалось бы очень долго. Девки вошли в раж, и уже не очень понимали, что твор- ят. У них была ровно одна цель: добиться, чтобы Скворцо- ва начала оправдываться, каяться в грехах. А та была твёр- до намерена ничего не говорить, хотя это давалось ей не то, чтобы просто. Вадим как наяву видел над этой упрямой дев-

чонкой, которая ничего не боится, ту Катю, которой она была внутри. Замученную. Испуганную. Дрожащую. Такого себе котёнка из коробки, в которого еще и покидали камнями соседские мальчишки, а он героически нашипел улетающим камням вслед и убежал, чтобы прятаться где-то в подвале. У Кати Скворцовой здесь и сейчас своего подвала не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.